

Сомерсет Моэм

Человек из Глазго

Перевод Аллы Николаевской

«Я не более, чем рассказчик, и никогда не претендовал на иную роль», - писал о себе Уильям Сомерсет Моэм (1874 – 1965), автор знаменитых романов «Бремя страстей человеческих» и «Луна и грош». И тем не менее, он настаивал, что вся мировая литература восходит к рассказу – в самом общем, первоуродном понимании, то есть к авторской версии события и ведет свой род от «разговора у первобытного костра». Он знал толк в увлекательно изложенной истории, а потому его любимыми писателями были Сервантес, Чехов, Пруст, Киплинг...

Сам Моэм – блистательный рассказчик, а если учесть, что на своем веку ему выпало побывать во многих уголках планеты, то легко себе представить, какой разнообразный, многоголосый мир воссоздал он в своих историях.

*

Путешественнику, впервые попадающему в какой-нибудь город, не часто доводится быть свидетелем такого происшествия, какое наблюдал Шелли в Неаполе. Из лавки выскочил юноша, а за ним по пятам - мужчина с ножом. Мужчина схватил юношу и одним ударом сразил его наповал. У Шелли было отзывчивое сердце. Он не счел этот эпизод штрихом местного колорита, им овладели ужас и негодование. А когда он поделился пережитым со священником из Калабрии, мужчиной огромной комплекции и недюжинной силы, путешествовавшим вместе с ним, - тот от души рассмеялся, даже попытался подшутить над ним. Шелли отвечал ему, что у него никогда не возникало желания ударить кого-то.

Мне не пришлось наблюдать столь волнительных сцен, но когда я в первый раз попал в Альгеро, я пережил мгновения, которые представляются мне далеко не обычными. Альгеро был в те времена грязным, захолустным городишком. Я приехал туда поздно ночью и отправился в гостиницу на набережной. Она была довольно убогой, зато из окон через залив открывался отличный вид на Гибралтар – без всяких помех и романтической дымки. Было полнолуние. Контора владельца гостиницы находилась на втором этаже, замухрышка служанка, услышав, что мне нужна комната, повела меня вверх по лестнице. Хозяин играл в карты. Моя персона не

привела его в восторг. Он оглядел меня, отрывисто произнес номер комнаты и, тут же позабыв о моем существовании, продолжил игру.

Когда служанка отвела меня в мой номер, я поинтересовался, могу ли я что-нибудь перекусить.

- Что пожелаете, - ответила она.

Я слишком хорошо понимал нереальность подобных посулов касательно изобилия еды.

- А что у вас есть?

- Можете заказать яйца с ветчиной.

Вид гостиницы убеждал меня, что мне вряд ли удастся получить хоть что-то вкусненького. Служанка провела меня в узкую столовую с выбеленными известкой стенами и низким потолком, там стоял длинный стол, накрытый к завтраку следующего дня. Спина к входу сидел высокий мужчина, сгорбившись над брасеро, круглым бронзовым блюдом, в нем тлели угли, которые, по чьему-то заблуждению, должны были согреть помещение – зимой в Андалузии бывало довольно холодно. Я сел к столу и принялся ждать свой скудный ужин. Бросил ненароком взгляд на незнакомца. Он смотрел на меня, но встретившись со мной взглядом, быстро отвернулся. Я ждал, когда принесут яйца. Когда, наконец, служанка принесла их, он снова поднял глаза.

- Разбудите меня, чтобы я поспел на первую лодку, - сказал он.

- Si, Senor.

По его акценту я понял, что его родной язык – английский; широкая кость, резко очерченные черты лица подсказали мне, что он северянин. В Испании чаще можно встретить выносливых, сильных шотландцев, чем англичан. На рудниках Рио Тинто, у газовых скважин в Хересе, в Севилье и Кадисе вы услышите неторопливую речь жителей низовья Твида. Вы можете встретить шотландца в оливковых рощах Кармона, на железной дороге, ведущей от Альгеро до Бобадиллы, даже в глухих пробковых лесах Мерида.

Я покончил с ужином и подошел к блюду с тлеющими углями. Была середина зимы, резкий пассат, дувший с залива, леденил кровь. Мужчина отодвинул кресло в сторону, когда я пододвинул свое.

- Не беспокойтесь, - сказал я. – Места нам двоим хватит.

Я закурил сигару и предложил ему. В Испании гаванская сигара с Гибралтара всегда в цене.

-Отчего же, не откажусь, - сказал он, протягивая руку.

Я узнал распевную речь уроженца Глазго. Но незнакомец был несловоохотлив, и мои попытки завести разговор иссякли на корню. Мы курили в полном молчании. Он оказался крупнее, чем мне показалось поначалу, широкоплечим и с нескладными конечностями, лицо загорелое, волосы – седые и коротко стриженные. Грубые черты лица, рот, уши, нос – крупные, тяжелые, кожа – морщинистая. Блекло-голубые глаза. Он без остановки дергал свои пышные седые усы. Этот нервный жест меня слегка раздражал. Вскоре я почувствовал на себе его взгляд – столь пристальный и навязчивый, что я посмотрел на него в надежде, что он, как и прежде, отведет глаза. Он и впрямь отвел их на какое-то мгновение, а потом снова посмотрел на меня. Он изучал меня из-под мохнатых бровей.

- Только что с Гибралтара? – спросил он внезапно.

- Да.

- А я завтра туда отправлюсь – домой возвращаюсь, слава Богу.

Он произнес два последних слова с таким жаром, что я улыбнулся.

- Вам не нравится Испания?

- Отчего же, в Испании хорошо.

- Вы давно здесь?

- Слишком давно. Слишком давно.

Он говорил с трудом, чуть задыхаясь. Я удивился тому, что мои обыденные вопросы привели его в такое волнение. Он вскочил и принялся ходить взад-вперед. Он метался точно загнанный зверь, отшвырнул стул, оказавшийся на его пути, и то и дело повторял со стоном слова: «Слишком давно. Слишком давно.» Я сидел не шевелясь. Я был в замешательстве. Стараясь не выдать себя, я начал трясти брасеро, чтобы горячие угли оказались на поверхности, а он внезапно застыл, нависая надо мной, словно эти мои движения напомнили ему о моем существовании. Потом тяжело опустился в кресло.

- Я вам кажусь чужаком? – спросил он.

- Не более, чем большинство людей, - улыбнулся я.

- Вы не находите во мне ничего с транного? – он наклонился вперед, чтобы я получше разглядел его.

- Нет.

- Вы бы сказали мне, если бы что-нибудь заметили, верно?

- Сказал бы.

Я не мог понять, что все это значило. Может, он пьян? Две-три минуты он молчал, а мне не хотелось нарушать молчания.

- Как вас зовут?

Я представился.

- А меня зовут Роберт Моррисон.

- Вы шотландец?

- Из Глазго. Я живу в этой проклятой стране давным-давно. У вас не найдется табака?

Я дал ему свой кисет, и он набил трубку. Раскурил ее от кусочка тлеющего угля.

- Больше не могу здесь оставаться. Слишком долго здесь живу. Слишком долго.

Он рванулся было снова вскочить и начать мерить комнату шагами, но удержался, вцепившись в подлокотники. Я увидел по выражению его лица, чего ему это стоило. Я решил, что его беспокойство и непоседливость – признак хронического алкоголизма. Пьяницы, по-моему, страшно надоедливы, и я счел за благо как можно скорее ретироваться и отправиться спать.

- Я был управляющим оливковых рощ, - продолжил он. – Работал на «Глазго энд Саут Спейн олив ойл кампани лимитед».

- Понятно.

- Мы изобрели новый способ очистки масла. Если испанское масло правильно обрабатывать, оно не хуже, чем масло из Лукки. А мы можем продавать его дешевле, чем итальянцы.

Он говорил лаконично, деловито. Подбирал слова с чисто шотландской точностью. Он выглядел абсолютно трезвым.

- Знаете, Эсиха – в каком-то смысле центр торговли оливками, у нас там был управляющий-испанец. Но я обнаружил, что он нас обворовывал по чем зря, так что мне пришлось его уволить. Я до того жил в Севильи – оттуда удобно отгружать масло на суда. Тем не менее, выяснилось, что найти надежного человека, чтобы он исправно занимался делами компании в Эсихе, - невозможно, поэтому в прошлом году я переехал сам туда. Вы там бывали?

- Нет.

- У нашей компании в двух милях от города, недалеко от деревни Сан-Лоренцо, свое поместье с отличным домом. Дом стоит на отшибе, на вершине холма, он очень приятный на вид, побеленный, на крыше живут два аиста. В доме никого нет, и я счел, что смогу сэкономить, если мне не придется снимать в городе квартиру.

- Там, верно, вам было одиноко, - заметил я.

- Было.

Роберт Моррисон курил пару минут, храня молчание. Непонятно, зачем он мне все это рассказывал.

Я взглянул на часы.

- Торопитесь? – резко спросил он.

- Не очень. Просто уже поздно.

- Ну и что с того?

- Вы, верно, мало с кем там виделись, - сказал я, возвращаясь к прерванному разговору.

- Вы правы. Я жил со стариком и его женой, они прислуживали мне, иногда спускался в деревню и играл в tresillo с аптекарем Фернандесом и двумя его покупателями, с которыми познакомился у него. Иногда охотился и ездил верхом.

- По мне, не такая уж плохая жизнь.

- Прошлой весной исполнилось два года, как я там поселился. В мае такая жара стояла, не приведи Господь! Никто ничего не мог делать. Работники лежали в тени и спали. Много овец подохло, а у кое-каких животных помутился рассудок. Даже волы не могли работать. Они стояли, сгорбившись, с трудом дышали. Проклятое солнце палило немилосердно, от спящего солнечного света глаза, казалось, вылезут из орбит. Земля потрескалась, стала крошиться, все растения от жары засохли. Оливы погибли. Суший ад. Я не мог заснуть ни на минуту. Ходил из комнаты в комнату, пытаюсь продохнуть. Само собой, окна я держал закрытыми, полы велел все время протирать влажной тряпкой. Но это не помогало. Ночи были такими же знойными, как и дни. Такое впечатление, словно находишься в печке.

Однажды я решил, что лучше перебраться спать вниз в северную часть дома, в комнату, в которой никогда не жили, потому что в обычную погоду там было всегда сыро. Я решил, что несмотря ни на что хоть несколько часов смогу там поспать. Во всяком случае, стоило рискнуть. Но увы! - там мне не стало лучше. Я вертелся в постели, пока мне не стало нестерпимо жарко. Я встал, открыл дверь на веранду и

вышел. Была великолепная ночь. Луна была такой ослепительной, что клянусь – при лунном свете можно было читать. Я говорил вам, что дом стоял на вершине холма? Я облокотился о парапет и стал смотреть на оливы. Они напоминали море. Думаю, что именно это зрелище заставило меня вспомнить о родном доме. Я вспоминал прохладный ветерок, гуляющий в елях и в улочках Глазго. Хотите верьте, хотите нет – я ощутил их запах и запах моря. Господи, я отдал бы все до последнего фунта за то, чтобы хотя бы час подышать тем воздухом! Говорят, что в Глазго ужасный климат. Не верьте этому! Я люблю дождь, и серое небо, и желтое море, и волны. Я забыл, что я в Испании, в сердце страны оливок, открыл рот и сделал глубокий вдох, словно вдыхал морской туман.

И внезапно я услышал какой-то звук. Голос человека. Не громкий, а приглушенный. Казалось, он крадется в тиши, не подбираю сравнение, кого он мне напоминал. Это удивило меня. Я не мог себе представить, кто оказался в такой поздний час в оливковой роще. Ведь было далеко за полночь. Неизвестный смеялся. Смеялся очень странным смехом. Скорее можно сказать, что он хихикал. Казалось, этот смешок карабкается вверх по холму, делая перерывы.

Моррисон взглянул на меня, чтобы понять, как я прореагировал на неуместное тут слово – «карабкается», он попытался выразить с его помощью ощущение, которое не знал, как описать.

- Я хочу сказать, мне показалось, что вроде кто-то стреляет короткими очередями, словно бросается камешками из ведра. Я наклонился вперед и стал пристально всматриваться. При полной луне было светло, будто в дневное время, но будь я проклят, если я хоть что-то увидел. Звук стих, а я не отрывал взгляда от того места, откуда он доносился – в надежде увидеть, когда кто-то зашевелится. И через минуту звук возобновился. Но теперь он стал громче. Это уже был не смешок или хихиканье, а натуральный смех. Он звенел в ночи. «Наверно слуг разбудил,» - подумал я. Такое впечатление, что смеявшийся был в стельку пьян.

«Кто там?» – закричал я.

В ответ раздался новый раскат смеха. Замечу, что это начинало меня бесить. Я хотел было пойти вниз и разобраться во всем. Я не собирался спускаться этой нажравшейся свинье, устроившей пьяный дебош посреди ночи в моем поместье. И внезапно раздался вопль. Господи, что это? Я был в ужасе. Потом – крики. Человек, смеявшийся раньше густым басом, теперь кричал как резаная свинья.

«Господи!» – воскликнул я.

Я перепрыгнул через парапет и побежал вниз, откуда доносились эти крики. Решил, что кого-то убивают. Наступила тишина, потом раздался пронзительный вопль. Потом – стоны и всхлипы. Знаете, на что это было похоже? Словно кто-то расставался с жизнью. Потом – тяжкий стон и молчание. Я перебежал с одного места на другое. Но никого не находил. В конце концов я взобрался на холм и вернулся в свою комнату.

Можете себе представить, как я спал той ночью! На рассвете я выглянул из окна и стал смотреть в том направлении, откуда вчера доносился шум, и к моему удивлению, обнаружил там маленький белый домик, стоявший на небольшой поляне, в окружении оливковых деревьев. В той стороне земля не принадлежала нашей компании, и я никогда не ходил туда. А поскольку я раньше не был в северной части моего дома, то никогда не видел того строения. Я спросил Хосе, кто там живет. Он ответил, что сумасшедший со своим братом и слугой.

«Ах, вот чем все объясняется! – сказал я. – Не очень приятное соседство.»

Шотландец живо наклонился ко мне и сжал кисть моей руки. Он приблизил ко мне лицо, казалось, его глаза, полные ужаса, сейчас выскочат из орбит.

- Сумасшедший умер двадцать лет тому назад, - прошептал он.

Он разжал мою руку и, тяжело дыша, откинулся на спинку кресла.

- Я спустился к дому, обошел его. Окна и ставни были закрыты, дверь заперта, я постучал. Попытался повернуть ручку, чтобы открыть дверь, позвонил в звонок. Я слышал, как он дребезжал, но никто не открыл мне. Дом был двухэтажным, я поднял голову и взглянул на окна. Ставни были наглухо забиты, видно, в доме никто не жил.

- А в каком состоянии он был? - спросил я.

- Развалюха. Побелка со стен сошла, на дверях и ставнях краска тоже облезла. На земле валялась черепица. Видно, порывами ветра снесло.

- Любопытно, - сказал я.

- Я отправился к своему приятелю, аптекарю Фернандесу, и он рассказал мне ту же историю, что и Хосе. Я спросил его о сумасшедшем, он ответил, что никто никогда его не видел. Обычно он находился в коматозном состоянии, а временами с ним случались острые припадки буйства – и тогда по всей округе гремел его дикий смех, а потом рыдания. Люди пугались. Во время одного из таких приступов он умер, а его

соглядатаи немедленно съехали. С тех пор ни одна живая душа не решалась жить там.

Я не стал говорить Фернандесу о том, что я слышал ночью. Подумал, что он подымет меня на смех. В ту ночь я не ложился спать, был начеку. Но ничего особенного не произошло. Не было слышно ни звука. Я прождал почти до рассвета, а потом пошел спать.

- И больше вы ничего подобного никогда не слышали?

- Ничего в течение месяца. Зной не стихал, я продолжал спать в нижней комнате. Как-то ночью я заснул очень крепко, и вдруг со мной что-то приключилось. Не знаю, как описать мое состояние, - такое было странное ощущение, будто кто-то легонько толкнул меня, чтобы предупредить о чем-то, - и я мгновенно проснулся. Я лежал в постели и внезапно услышал такой же, как в прошлый раз, - долгий, приглушенный смешок, словно кто-то радуется старой, доброй шутке. Смешок доносился снизу, с поляны, он становился все громче. И вот он превратился в раскаты хохота. Я вскочил с кровати и подбежал к окну. Ноги стали дрожать. Ужасающее испытание - слышать в ночи раскаты смеха, стоя у окна. Потом наступила пауза, потом - раздался пронзительный крик боли и чудовищные рыдания. О, эти звуки не могли исходить от человека! Казалось, что пытаются и терзают какое-то животное. Излишне говорить, что я был смертельно напуган. Я не был способен пальцем пошевелить, даже если бы очень захотел. Через какое-то время звуки прекратились, не резко, а мало-помалу затухая. Я напряженно вслушивался в тишину, но ничего не слышал. Я дополз до кровати и уткнулся лицом в подушку.

Потом я вспомнил, что Фернандес сказал мне, что у безумца приступы начинались через какие-то интервалы. А в остальное время он вел себя тихо. «В полной прострации пребывал,» - сказал Фернандес. Интересно, эти приступы наступали регулярно или нет? Я постарался подсчитать, сколько времени прошло между теми двумя приступами, что я слышал. Двадцать восемь дней. Много усилий не потребовалось, чтобы разгадать загадку, - острые приступы безумия начинались в полнолуние. По природе я человек не нервный, вот и решил докопаться до сути, заглянул в календарь - посмотрел, когда следующее полнолуние будет, и в ту ночь не ложился спать. Почистил револьвер и зарядил его. Приготовил фонарь, сел на парашют возле дома и стал ждать. Я хранил абсолютное спокойствие духа. Признаюсь, я даже гордился собой - ведь я не испытывал страха. Ночь была

ветреной, ветер гулял по черепице крыши. Шелестел в листьях оливковых деревьев, так галькой шуршит морской прилив. Луна освещала белые стены домика в долине. На душе у меня было радостно.

Наконец я услышал слабый звук, знакомый мне звук, я чуть не рассмеялся. Я оказался прав – полнолуние и приступы безумия были точны как часы. Все шло как по маслу. Я перебрался через стену в оливковую рощу и побежал к дому. Смешок становился громче по мере моего приближения. Добежав до дома, я взглянул вверх. Нигде ни огонька. Я приник к двери и прислушался. Услышал, что безумец смеется своим чудовищным смехом. Я принялся барабанить в дверь кулаком, дергать колокольчик за веревочку. Но эти звуки, казалось, забавляли его. Он разразился раскатами смеха. Я снова принялся барабанить – все громче и громче, и чем больше я барабанил, тем громче он хохотал. Потом я закричал что было сил: «Открывай свою чертову дверь, или я взломаю ее!»

Я отступил на шаг, а потом рванул засов, всем телом навалившись на дверь, Она поддалась. Я надавил еще сильнее, и дверь открылась.

Я достал из кармана револьвер, в другой руке у меня был фонарь. Смех зазвучал еще сильнее – ведь дверь была открыта. Я вошел внутрь. Дикая вонь чуть не сбила меня с ног. Представьте - двадцать лет тут не открывали окон. Смех был таким оглушительным, что хоть святых выноси, но поначалу я не мог сообразить, откуда он. Казалось, его раскаты отскакивали от стен в разные стороны. Я открыл дверь в ближайшую комнату и вошел. Она была совершенно пустой – ни одного предмета мебели вдоль побеленных стен. Звуки стали еще громче, и я пошел туда, откуда они доносились. Вошел в следующую комнату, там тоже ничего. Открыл другую дверь и очутился у подножия лестницы. Безумец смеялся. Над моей головой. Я пошел вверх, очень осторожно, знаете, рисковать все-таки не хотелось.. Наверху был коридор. Я прошел по нему, освещая себе путь фонарем, в конце коридора была еще одна комната. Я остановился. Он там! От кошмарного смеха меня отделяла тоненькая дверь.

Слышать этот смех было очень страшно. По мне пробежала дрожь, я выругался – меня начинало колотить. Нет, там находился не человек. Господи, я готов был броситься наутек. Пришлось стиснуть зубы, чтобы удержаться на месте. Но я не мог заставить себя повернуть ручку в дверях. А потом смех оборвался, будто ножом отрезали – кто-то начал стонать от боли. Мне никогда не доводилось слышать ничего

подобного, звуки были такими приглушенными, что я едва различал их. Потом тяжелый вздох.

«Ох! Ты убиваешь меня, - услышал я, как безумец говорит по-испански. – Убери это. Господи, помоги мне!»

Он стал пронзительно кричать. Какие-то негодяи терзали его. Я распахнул дверь и ворвался в комнату. От сквозняка ставня на окне открылась, и внутрь ворвался лунный свет, столь яркий, что свет от моего фонаря померк. Я слышал собственными ушами, так же четко и с такого же близкого расстояния, как слышу вас, стоны несчастного парня. Это было ужасно – стоны, рыдания, прерывистое дыхание, перехваченное испугом. Невыносимо. Он был на краю гибели. Поверьте, я собственными ушами слышал его бессвязные, сдавленные крики. Но комната была пустой.

Роберт Моррисон откинулся на спинку кресла. Этот огромный, крепкий парень стал почему-то похож на распростертую в студии фигуру натурщика. Такое было впечатление, что стоило вам слегка толкнуть его и он упадет бесформенной грудой на пол.

- А что было потом? – спросил я.

Он выудил из кармана грязный носовой платок и вытер лоб.

- Я понял, что у меня нет никакого желания спать на северной стороне дома, и, наплевав на жару, перебрался в свои прежние комнаты. Так вот, ровно четыре недели спустя, около двух часов ночи меня разбудил смешок безумца. Он хихикал почти рядом. Сознаюсь, мои нервы были на взводе, так что к следующему приступу этого негодяя, я имею в виду - в ночь очередного полнолуния я заманил к себе Фернандеса и уговорил остаться у меня на ночь. Мы играли в карты до двух часов ночи, а потом я снова услышал это. Спросил у Фернандеса, слышит ли он что-нибудь. «Ничего не слышу,» - отвечал он. «Кто-то смеется!» – сказал я. «Вы пьяны, приятель,» – ответил он и засмеялся вслед. Я закричал. Я пытался отделаться от этого смеха, заткнув уши руками, но бесполезно. Я по-прежнему слышал его и слышал крики боли. Фернандес решил, что я сошел с ума. Он не посмел сказать мне об этом, боялся, что я убью его. Сказал, что пойдет спать, но утром я обнаружил, что он сбежал. Постель была нетронутой. Он смылся из дома, как только расстался со мной.

После этого я уже не мог оставаться в Эсихе. Я оставил там посредника, а сам перебрался в Севилью. Там мне было легко и спокойно, но как только начала приближаться роковая ночь, мною овладел страх. Конечно, я сказал себе, что нечего валять дурака, но, знаете, ничего не мог с собой поделаться. Дело в том, что я боялся, что эти звуки будут преследовать меня, и понимал, что если услышу их в Севилье, они будут преследовать меня всю оставшуюся жизнь повсюду. Я был не робкого десятка, но черт побери! Всему бывает предел. Человек не в силах выдержать подобное. Я понимал, что сам стану смахивать на сумасшедшего. Я потерял душевный покой, запил, напряжение было столь чудовищным, что я ночами лежал без сна и подсчитывал дни. И вот наступил час, когда я понял – сейчас начнется. И началось. Я услышал эти звуки в Севилье – в шестидесяти милях от Эсихи.

Я не нашелся что сказать. Промолчал.

- Когда вы слышали эти звуки в последний раз? – наконец спросил я.

- Четыре недели назад.

Я тотчас взглянул на него. Я был поражен.

- Что вы хотите этим сказать? Разве сегодня полнолуние?

Он посмотрел на меня – сердито, угрюмо. Открыл было рот, чтобы что-то сказать, но остановился, словно слова застряли у него в горле. Такое впечатление, что у него парализовало связки, в конце концов он ответил с невероятным усилием, точно прокаркал:

- Да.

Он смотрел на меня. Его блекло-голубые глаза будто светились алым пламенем. Никогда прежде мне не доводилось видеть выражение такого ужаса на человеческом лице. Он вскочил и вылетел из комнаты, громыхнув дверью.

Должен сознаться, что в ту ночь я тоже спал плохо.

Никчемные люди

У Нормана Грэнджа была плантация каучуковых деревьев. Он встал до рассвета, проверил своих работников, обошел плантацию, чтобы удостовериться, что проколы на деревьях сделаны правильно. Выполнив свой долг, он вернулся домой, помылся, переоделся и принялся за еду – ел он плотно, то был наполовину завтрак, наполовину ланч, в Борнео эту трапезу называли бранчем. Жена сидела напротив. Во время еды он читал. В столовой было сумрачно, обивка на мебели потерта, посуда – с отбитыми краями, словом, убожество, но к нему тут привыкли. Букетик цветов украсил бы стол, но явно никому до всего этого не было дела. Закончив свой бранч, Грэндж рыгнул, набил трубку табаком, вышел из-за стола и переместился на веранду. Он не замечал жены, словно ее вообще тут не было. Лег на шезлонг из плетеной соломы и снова принялся читать. Мисс Грэндж протянула руку за портсигаром и закурила, но чай при этом продолжала пить. Вдруг она перевела взгляд на дверь – поднявшись по ступенькам, их слуга в сопровождении двух мужчин направлялся к мужу. Один был даяком, другой – китайцем. Незнакомцы здесь редко

появлялись, и мисс Стрэндж представить себе не могла, что нужно этим пришельцам. Она встала из-за стола, подошла к дверям и прислушалась. Она жила в Борнео давным-давно, но ее знания языка хватало только на то, чтобы объясниться с прислугой. Так что она весьма смутно догадывалась, о чем сейчас идет речь. По тону, которым говорил ее муж, она поняла, что он раздражен. Похоже, он задавал вопросы сначала китайцу, а потом – даяку; судя по всему, они уговаривали его что-то сделать, а он упирался; наконец, с хмурым выражением на лице он поднялся с шезлонга и в сопровождении мужчин сошел с крыльца. Подогретая любопытством, она неслышно выскользнула на веранду. Он спускался по дороге вниз к реке. Пожав тщедушными плечами, она направилась к себе. Но спустя мгновение рванулась назад, услышав, что ее зовет муж.

- Веста!

Она вышла на веранду.

- Приготовь постель. У пристани белый человек в лодке. Он очень болен.

- Кто это?

- Откуда же я знаю, черт побери! Его только что привезли.

- Но не можем же мы пускать в дом кого попало.

- Замолчи и делай, что тебе сказано.

С этими словами он пошел к реке. Мисс Грэндж позвала боя и велела ему постелить свежие простыни на кровать в той комнате, где никто не жил. Потом остановилась на верхней ступеньке и стала ждать. Вскоре она увидела мужа, а с ним – горстку даяков, которые несли на матрасе человека. Она посторонилась, чтобы пропустить их, и мельком увидела его бледное лицо.

- Что мне делать? – спросила она у мужа.

- Ступай прочь и помалкивай.

Больного занесли в комнату, через две-три минуты даяки и Грэндж ушли.

- Пойду распоряжусь насчет его багажа. Велю отнести в дом. У него есть бой, который будет о нем заботиться, так что можешь не лезть к нему.

- А что с ним случилось?

- У него малярия, лодочники, которые его везли, испугались, что он отдаст отдаст концы, и отказались его везти. Его зовут Скелтон.

- Но ведь он не умрет?

- Если умрет – похороним.

Но Скелтон не умер. На следующее утро он проснулся и обнаружил, что он лежит в постели, под сеткой от moskitov. Он представления не имел, где он. Дешевая железная кровать, жесткий матрас. Но какое удовольствие лежать на нем после лодки! Он ничего не видел вокруг себя, кроме шкафа, грубо сколоченного местным плотником, и деревянного стула. Напротив него была дверь, закрытая пологом, которая, наверно, вела на веранду.

- Конг! – позвал он.

Отодвинув полог, в комнату вошел его бой. Лицо китайца расплылось в улыбке, когда он увидел, что его хозяин вырвался из лап малярии.

- Вам глаза лучше, хозяин. Я очень лад.

- Куда это меня занесло?

Конг объяснил.

- Мой багаж в порядке? – спросил Скелтон.

- Да. Канешна.

- А как зовут парня? Хозяина дома?

- Господин Нолман Глэндж.

В подтверждение своих слов он протянул Скелтону небольшую книжку, на которой было выведено – «Норман Грэндж». Скелтон отметил про себя и автора – Бэкона. Это были его «Эссе». Забавно обнаружить такую книгу в глуши, в верховьях реки, в Борнео, в доме плантатора.

- Скажи ему, что я буду рад его повидать.

- Хозяина сейчас нет. Сколо велнется.

- Как бы мне помыться? И клянусь Богом, очень хочется побриться.

Он попытался встать с постели, но голова закружилась, и, вскрикнув от растерянности, он рухнул назад. Но Конг побрил и помыл его, поменял рубаху и шорты, в которых он лежал с того дня, как заболел, на саронгу и баджу. После этого он тихо лежал и отдыхал. Раздался стук в дверь, и в комнату вошел крупный, сильный мужчина.

- Я слышал, вам стало получше, - сказал он.

- Да, гораздо. Вы очень великодушны, что взяли меня в таком состоянии к себе. Я свалился на вас, как камень на голову.

Грэндж ответил резковато:

- Да что в этом такого. Вам было совсем худо. Неудивительно, что эти даяки захотели от вас избавиться.

- Я не намерен стеснять вас дольше, чем буду вынужден здесь оставаться из-за своей болезни. Если бы вы оказали мне любезность и наняли мне баркас или лодку, я бы сегодня же днем отплыл.

- Здесь негде. Вам лучше остаться пока у меня. Вы очень слабы.

- Да я боюсь стать для вас чрезмерной обузой.

- Не понимаю, по каким причинам. У вас бой, он прислуживает вам.

Грэндж только что вернулся после ежедневного обхода своих плантаций, на нем были грязные шорты, рубашка цвета хаки с открытым воротом и старая, замасленная широкополая тирайская шляпа. В рваной грязной одежде он смахивал на бедного сезонного рабочего. Он снял шляпу, вытер пот со лба; волосы у него были короткие, седые; лицо – красное, широкое, мясистое; короткий задиристый нос; маленькие злые глазки.

- Вы не могли бы дать мне что-нибудь почитать? – спросил Скелтон.

- А что бы вы хотели?

- Да все равно, лишь бы не очень заумное.

- Я-то сам не большой поклонник романов, но пару-тройку книг пришлю. Моя жена вам подберет. Наверняка, бульварные. Но она читает именно такие. Может, и вам они окажутся по вкусу.

Он кивнул головой и вышел. Не очень любезный джентльмен. Но он явно был весьма беден – комната, в которой лежал Скелтон, внешний вид Грэнджа говорили об этом; может, он работает управляющим в чьем-нибудь поместье, получает гроши, и не исключено, что траты, которые ему придется сделать, принимая у себя гостя со слугой, ему не по карману. В этой глухомани, куда белый человек заглядывает совсем редко, весьма вероятно, что он чувствует себя с незнакомцами не в своей тарелке. Есть люди, которые после первого же знакомства становятся совсем другими. Но его неприятные бегающие глаза приводили в замешательство; они опровергали то впечатление, которое производили его красное лицо и массивная фигура – если бы не эти глазки, вы бы приняли его за свойского парня, с которым ничего не стоит найти общий язык.

Через какое-то время пришел бой со стопкой книг – с пол дюжиной романов, имен их авторов Скелтон никогда и не слышал, но одного взгляда было достаточно, чтобы

понять, что они из себя представляют. Верно, их читает мисс Грэндж. Еще были «Джонсон» Босвелла, «Лавенгро» Борроу и «Эссе» Лэма.*

*Джеймс Босвелл (1740 – 1795) - известный английский биограф, автор биографии Сэмюэла Джонсона в 2-х томах – «Жизнь Джонсона» (1791).

Джордж (Генри) Борроу (1803- 1881) - английский путешественник, лингвист, писатель-романтик. «Лавенгро» (1851) – вершина его творчества.

Чарльз Лэм (1775 – 1834) – английский эссеист и литературовед. Его перу принадлежат также «Сказки Шекспира» – адаптация пьес Шекспира для детей, «Приключения Улисса» - переложение «Одиссеи» Гомера для юного читателя.

Странный подбор. Вряд ли такие книги обычно хранятся в библиотеке плантатора. У большинства плантаторов дома вы найдете одну-две полки книг, по большей части, детективов. Скелтон питал бескорыстное любопытство к человеческим созданиям, и теперь он решил попытаться понять, что за человек этот Норман Грэндж, - по книгам, что он принес, по его внешности, по тем нескольким фразам, которыми они обменялись. Скелтона немного удивило, почему его хозяин больше не заглянул к нему в тот день; казалось, ему вполне было достаточно того, что он предоставил своему непрошеному гостю стол и кров, но вовсе не искал его компании. На следующее утро он почувствовал себя намного лучше, даже встал и с помощью Конга сел в шезлонг на веранде. Краска на стенах совсем облезла. Бунгало стояло на склоне холма, на другом берегу в зарослях деревьев виднелись домишки туземцев на сваях – отделенные от этого берега огромным водным простором они казались совсем крошечными. Читать подолгу Скелтон пока не мог, после одной-двух страниц он отвлекался, и ему куда приятнее было бесцельно смотреть на медленное течение мутной воды. Внезапно он услышал чьи-то шаги. Он увидел миниатюрную пожилую женщину, приближающуюся к нему, и, понимая, что это мисс Грэндж, попытался встать.

- Не вставайте, - сказала она. – Я просто пришла узнать, вам ничего не надо?

На ней было простенькое голубое хлопчатобумажное платье, которое скорее подошло бы юной девушке, чем женщине ее лет, короткие волосы всклокочены, словно, встав с постели, она не успела даже провести по ним гребешком, они были выкрашены в ярко-желтый цвет, но так неаккуратно, что корни остались седыми. Кожа была сухой, морщинистой, на щеках алели два огромных красных пятна, румяна были нанесены столь неумело, что вы ни на секунду не приняли бы их за

естественный цвет лица, помада на губах тоже была намазана кое-как. Но самое странное, что бросалось в глаза, был нервный тик, от которого она дергала головой в сторону, словно приглашала вас войти в дом. Он мучил ее через определенные интервалы, должно быть раза три в минуту, а левая рука почти постоянно находилась в движении, быстрым, судорожным жестом она будто хотела привлечь ваше внимание к какому-то предмету за ее спиной. Ее внешность привела Скелтона в замешательство, а нервный тик подействовал на него просто удручающе.

- Надеюсь, я не очень стеснил вас, - сказал он. – Думаю уже завтра или послезавтра я смогу двинуться в путь.

- Знаете, к нам не часто гости наведываются, в нашу глухомань. Такое удовольствие иметь возможность с кем-то побеседовать.

- Может, вы присядете? Я велю бою принести стул.

- Норман приказал мне не беспокоить вас.

- У меня не было случая поговорить с белым человеком вот уже два года. Я истосковался по душевной беседе.

Она резко, быстрее обычного, мотнула головой, а рука дернулась в своем странном, судорожном движении.

- Он вернется не раньше, чем через час. Я сама принесу стул.

Скелтон рассказал ей о себе, о том, чем занимался раньше, но убедился, что она успела расспросить его боя и все уже о нем знала.

- Вы, наверно, мечтаете скорее вернуться в Англию? – спросила она.

- Не прочь.

Внезапно на мисс Грэндж словно налетел нервный шторм – другого определения и не подберешь. Голова стала снова неистово дергаться, а рука трястись с такой бешеной скоростью, что Скелтон испугался. Пришлось отвести взгляд.

- Я не была в Англии уже шестнадцать лет, - сказала она.

- Неужели? Я полагал, что все плантаторы бывают на родине как минимум раз в пять лет.

- Мы не можем себе этого позволить, ведь мы разорены. Норман вложил все до последнего фунта в эту плантацию, а дохода от нее не было несколько лет. То небольшое, что мы зарабатывали, спасало нас от голодной смерти. Но Норман спокойно относится к тому, что не может поехать в Англию. Он на самом деле не англичанин.

- А выглядит как типичный англичанин.

- Он родился в Сараваке. Его отец находился на государственной службе. Он скорее уроженец Борнео.

И вдруг она заплакалась. Как тяжело было видеть эти слезы, текущие по морщинистым, крашеным щекам женщины, которую неустанно терзал тик! Скелтон не знал, что сказать, что сделать. И выбрал самое разумное – молчал. Она вытерла глаза.

- Вы верно решили, что я старая дура. А я диву даюсь, как я после всех этих лет не научилась плакать. Наверно, такая уж уродилась. Мне ничего не стоило расплакаться на сцене.

- О, вы играли на сцене?

- Да, до замужества. Знаете, как мы познакомились с Норманом? Мы выступали в Сингапуре, а он приехал туда в отпуск. Мне, наверно, никогда не увидеть Англию. Наверно, до самой смерти оставаться здесь и каждый день глядеть на эту проклятую реку. Никогда не выбраться отсюда. Никогда.

- А как вы оказались в Сингапуре?

- Это случилось вскоре после окончания войны, я не могла найти ничего подходящего в Лондоне, я к тому времени уже много лет выступала на сцене, мне до смерти надоело играть проходные роли, и вот однажды агенты сказали мне, что некий Виктор Пэлес набирает труппу для турне по Востоку. Его жена играла все главные роли, а мне предложили вторые. У них в репертуаре было пол дюжины пьес – комедий и фарсов. Мне пообещали скромную зарплату, но они собирались выступить в Египте, Индии, на Малайских островах, в Китае и в Австралии. Таким образом, мне представился шанс посмотреть мир. И я приняла их предложение. В Каире мы выступили неплохо, я надеялась, что мы сможем заработать денег в Индии, но в Бирме мы не имели особенного успеха. А на Таиланде было еще хуже, на острове Пенанг нас ждал полный провал, в других городах Малайской федерации – то же самое. Так вот. Однажды Виктор собрал труппу и объявил нам, что он обанкротился и теперь у него нет денег для поездки в Гон-Конг, потому что наши гастроли ничего, кроме убытков, ему не принесли, ему очень жаль, но нам предстоит самим добираться домой. Конечно, мы сказали ему, что он не посмеет нас бросить. Вы не представляете, какой поднялся гвалт! Короче говоря, он сказал нам, что мы можем взять декорации и реквизит, если мы надеемся, что нам это поможет, ну, а

деньги требовать бессмысленно, потому что у него ни гроша в кармане нет. А на следующий день мы обнаружили, что он с женой, не сказав никому ни слова, сели в лодку с французами и смотались. Я, честно говоря, была просто в шоке. У меня осталось всего несколько фунтов, которые удалось сэкономить от зарплаты, – и больше ничего; кто-то сказал мне, что раз мы оказались на мели, правительство обязано обеспечить нам возвращение домой, но только в каютах четвертого класса, я на такое не решилась. Мы собрали пресс-конференцию, на которой объявили о том, в какое попали положение, и нам посоветовали дать бенефис, сбор от которого поправит наши финансы. Что ж, мы устроили этот бенефис, но без Виктора и его жены нам удалось собрать очень мало денег, а после того, как мы оплатили все счета, у нас осталось даже меньше, чем было до того. Излишне говорить, что я была в отчаянии. Как раз в ту минуту подвернулся Норман и сделал мне предложение. Самое смешное, что мы были едва знакомы. Он пригласил меня покататься на авто по острову, пару-тройку раз приглашал в европейский ресторан на чай и танцы. Мужчины редко делают что-нибудь бескорыстно, он, видно, хотел немного со мной поразвлечься, я была девушка искушенная и понимала, что он не прогадает, если поволочиться за мной. Но когда он сделал мне предложение, я просто ушам своим не поверила. Он сказал, что у него в Борнео небольшое поместье и если немного потерпеть, у нас будет куча денег. Поместье на берегу красивой реки, а вокруг – джунгли. В его рассказе все звучало так романтично! Я начинала стареть, мне было за тридцать, найти работу становилось все труднее, так что перспектива стать обладательницей собственного дома – да и прочие преимущества – были весьма соблазнительны. Не придется больше оббивать пороги антрепренеров. Не придется больше мучаться по ночам бессонницей, гадая, где взять деньги на квартплату. В те годы он выглядел неплохо - загорелый, мощный, мужественный. Никто не упрекнет меня, что я вышла замуж по расчету... - Внезапно она замолчала. – Это он! Не говорите, что виделись со мной.

Она подхватила стул, на котором сидела, и быстро ушла с ним. Скелтон был в полном замешательстве. Ее странная внешность, слезы отчаяния, история ее жизни, которую она поведала ему, постоянно дергающаяся рука, да к тому же явный страх, охвативший ее, как только она услышала голос мужа, поспешное бегство – он не мог найти всему этому объяснения.

Через несколько минут шаги Нормана Грэнджа загремели на веранде.

- Я узнал, что вам лучше, - сказал он.

- Спасибо, гораздо лучше.

- Если захотите присоединиться к нам за бранчем, я велю приготовить для вас прибор.

- Весьма признателен.

- Отлично. Пойду приму ванну и переоденусь.

Он вышел. Вскоре пришел бой и сказал Скелтону, что его хозяин ждет его. Скелтон прошел следом за ним в маленькую гостиную, жалюзи в ней были опущены, чтобы уберечься от зноя. То была неудобная, заставленная разномастной мебелью – английской и китайской – комната, на столах валялся какой-то хлам. Тут не было ни желанного комфорта, ни прохлады. Грэндж переоделся в саронгу и баджу, в этой национальной одежде он выглядел простовато, но внушительно. Он представил Скелтона своей жене. Она протянула ему руку с таким видом, словно видела его впервые, пробормотав слова приветствия. Бой сказал, что еда подана, и они перешли в столовую.

- Я слышал, вы не новичок в наших гиблых местах, - сказал Грэндж.

- Два года уже здесь. Я антрополог, изучаю нравы и обычаи племен, не имевших контактов с нашей цивилизацией.

Скелтон решил, что вполне уместно рассказать хозяину дома о своем житье-бытье у туземцев, которые были далеко не в восторге от его появления. Покинув деревню, в которой он остановился, он прошел десять дней, покуда не вышел к реке. Там он нанял две лодки, одну – для себя, другую – для багажа, Конга и палатки, и велел плыть к морю. Дорога через весь остров была долгой и трудной. Он устроился на матрасе под плетеным навесом и дремал. Все то время, что он путешествовал, здоровье его не подводило, а когда они плыли вниз по реке, он не мог избавиться от мысли, что ему очень повезло; но как только он осознал, о чем он думает, сразу же понял - значит, ему становится хуже, раз подобные мысли приходят в голову. Правда, накануне пришлось выпить очень много арака в вигваме, в котором они останавливались на ночлег, но он привык к местной водке, так что голова у него болела не от нее. Ему становилось не по себе. На нем ничего не было кроме шорт и фуфайки, его стало знобить, что само по себе было странно, потому что солнце палило нещадно, он лег, положив голову на планшир, но боль не прошла. Если бы под рукой оказался пиджак, он непременно накрылся бы им. Ему становилось все

холоднее, потом начали стучать зубы; он свернулся на матрасе калачиком, дрожа с головы до пят, отчаянно пытаясь согреться. Естественно, он догадывался, в чем дело.

- Господи! – простонал он. – Малярия. – Он позвал старшего и приказал ему: - Пришли мне Конга.

Старший крикнул сидевшим на второй лодке, а своим гребцам велел остановиться. Через минуту лодки оказались рядом, и Конг перебрался к ним.

- У меня лихорадка, Конг, - выпалил Скелтон.- Достань походную аптечку, а еще найди простыни, умоляю. Я до смерти продрог.

Конг дал хозяину большую дозу хинина и закрыл его всем, что нашел в лодке. Они снова тронулись в путь.

Скелтону стало худо, поэтому на берег его не вынесли, когда они встали на ночь, так что он провел ее в лодке. Весь следующий день и потом еще один ему было совсем плохо. Временами кто-нибудь из гребцов подходил к нему – проверить его, а старший дольше других задерживался возле него и задумчиво разглядывал.

- Сколько дней до моря? – спросил Скелтон боя.

- Четыре или пять. – Конг помолчал. - Старший туда не пойдет. Он говорит, домой надо возвращаться.

- К дьяволу он у меня пойдет.

- Старший говорит, вы очень слабый, можете умереть. Если умрете, а он придет с вами в порт, у него будут большие неприятности.

- Я не собираюсь умирать, - сказал Скелтон. – Я выздоровлю. У меня обычная малярия.

Конг не ответил. Молчание мальчишки бесило Скелтона. Он понимал, что у китайца что-то на уме, о чем он не хочет говорить.

- Выкладывай, что там у тебя, болван! – закричал он.

Скелтон пришел в отчаяние, услышав от Конга правду. Старший решил потребовать, когда они доплывут до стоянки ночью, чтобы Скелтон с ним расплатился, и уплыть до восхода, прихватив обе лодки. Он боялся везти дальше умирающего. У Скелтона не было сил уламывать его, он решил пообещать ему больше денег, чтобы тот выполнил их уговор. Весь день Конг и старший препирались, но, причалив снова к берегу на ночную стоянку, старший подошел к Скелтону и угрюмо сказал ему, что дальше не пойдет. Рядом есть вигвам, где он может остановиться, пока не

оклемаются. И начал разгружать вещи Скелтона. Тот отказался сходить на берег. Он приказал Конгу дать ему револьвер и поклялся, что пристрелит любого, кто приблизится к нему.

Конг, гребцы и старший пошли наверх, туда, где стоял вигвам, оставив Скелтона одного. Он пролежал в лодке несколько томительных часов, лихорадка сжигала его тело, во рту пересохло, а беспорядочные мысли путались в голове. Наконец замелькали огоньки и послышались голоса людей. Мальчишка-китаец подошел к нему со старшим и с незнакомым мужчиной, повидимому, жившим в соседнем доме.

Скелтон призвал на помощь все свое мужество, чтобы понять, что говорит ему Конг. Оказалось, в нескольких часах вниз по течению живет белый человек, и если Скелтон согласен, старший отвезет его туда.

- Лучше бы вы согласились, - сказал Конг. – Может, у белого человека есть баркас, тогда мы быстро-быстро доберемся на нем до моря.

- Кто такой?

- Плантадор, - сказал Конг. – Парень говорит, что у него каучуковая плантация.

Скелтон был без сил и спорить не мог. Единственное, о чем он мечтал в ту минуту, – заснуть. И он согласился.

- Честно говоря, что было потом, я не помню, - закончил он, - пока не проснулся вчера утром и не понял, что я непрошенный гость в вашем доме.

- Я нисколько не виню тех даяков, - сказал Грэндж. – Когда я спустился к реке и увидел вас, то понял, что вы полный доходяга.

Мисс Грэндж хранила молчание, пока Скелтон рассказывал о своих перепитиях, ее голова и рука дергались через одинаковые промежутки времени, словно подчиняясь невидимому часовому механизму; супруг попросил ее передать ему ворчестерский соус – это был единственный раз, когда он обратился к ней, – она задергалась в таком пароксизме, что смотреть на нее было страшно. Она протянула ему соус, не сказав ни слова. Скелтону стало не по себе от мысли, что она панически боится Грэнджа. Это было очень странно - он производил впечатление неплохого человека. Он был образован и неглуп, и хотя вы бы не решились назвать его манеру поведения сердечной, было очевидно, что он предупредителен и безотказен.

Они закончили трапезу и разошлись по своим комнатам, чтобы пересидеть дневную жару.

- Жду вас в шесть на рюмку спиртного, - сказал Грэндж.

Скелтон выспался, принял ванну, почитал, потом вышел на веранду. Мисс Грэндж подошла к нему. Похоже, она поджидала его.

- Он уже вернулся из своей конторы. Не сочтите мое нежелание говорить с вами за причуду. Если ему покажется, что мне приятно, что вы гостите у нас, он завтра же вас вышвырнет.

Она произнесла эти слова шопотом и неслышно юркнула в дом. Скелтон был озадачен. Он очутился в весьма странном доме весьма странным образом. Он вошел в тесную от мебели гостиную, где его поджидал хозяин. Его поразила царившая в доме бедность, и он понимал, что Грэндж вряд ли может позволить себе расходы, связанные с пребыванием в доме гостя. Но у него уже сложилось мнение, что Грэндж – человек вспыльчивый и подозрительный, а потому он не знал, как предложить ему деньги. И все-таки решил рискнуть.

- Послушайте, - сказал он ему, - похоже, я буду вас стеснять еще несколько дней, мне было бы спокойнее, если бы вы разрешили мне заплатить за мое пребывание у вас.

- Да будет вам, то, что вы здесь живете, мне ничего не стоит, потому что дом принадлежит кредиторам, а расходы на ваше питание невелики.

- Но ведь еще алкоголь. К тому же, мне придется воспользоваться вашими сигаретами и табаком.

- К нам приезжают не чаще одного раза в году, да и то окружной полицейский и кто-нибудь в этом роде, к тому же, такому банкроту, как я, уже ничего не может повредить.

- Может, вы возьмете мое полевое снаряжение? Мне оно больше не понадобится, а если вам понравится какое-нибудь мое ружье, я с радостью отдам вам его.

Грэндж заколебался. В его маленьких хитрых глазках мелькнул алчный огонек.

- Если вы подарите мне свое ружье, вы во сто крат переплатите за ваши стол и кров.

- В таком случае, по рукам.

Они беседовали, потягивая виски и смакуя шампанское, которым по восточным обычаям провожают заход солнца. Оказалось, что они оба играют в шахматы, по сему они разыграли партию. Мисс Грэндж вышла только к обеду. Еда оказалась безвкусной. Пресный суп, плохая речная рыба, жесткое мясо, пудинг, приторный, точно карамель. Норман Грэндж и Скелтон пили пиво, мисс Грэндж – воду. Она не проронила ни слова по собственной инициативе. У Скелтона вновь возникло

неприятное ощущение, что она до смерти боится своего мужа. Соблюдая приличия, Скелтон пару раз пытался вовлечь ее в разговор, рассказывая ей какую-нибудь историю или задавая вопрос, но ее это явно так сильно огорчало, голова начинала так неистово трястись, а рука дергаться в таком судорожном ритме, что он почел благоразумным оставить все попытки. Обед закончился, и она поднялась.

- Я покидаю вас, джентльмены наедине с вашим портвейном, - сказала она.

Они вскочила, когда она направилась к дверям. Что-то дикое, даже пугающее было в этой демонстрации своей благовоспитанности в убогом жилище на берегу Борнео.

- Хочу уточнить, что портвейна нет. Может, немного бенедиктина осталось.

- Не беспокойтесь.

Они немного побеседовали, и Грэндж начал зевать. Он вставал каждый день до рассвета, и к девяти часам вечера глаза у него слипались.

- Пойду на боковую, - сказал он.

Он кивнул Скелтону и безо всяких церемоний покинул его. Скелтон пошел к себе и лег, но заснуть не мог. Жара не спала, но вовсе не из-за нее Скелтон не мог уснуть. В этом доме и в его двоих обитателях было что-то зловещее. Он не понимал, что именно так подействовало на него, отчего ему так беспокойно на душе, но он точно знал, что будет благодарен Господу, когда сможет выбраться из этого дома и расстаться с этими людьми. Грэндж был словоохотлив. Много рассказывал о себе, но Скелтон узнал о нем не больше, чем при первой встрече. Судя по всему он был заурядным плантатором, переживавшим тяжелые дни. Он купил землю и посадил деревья сразу после войны, но когда они выросли, резко упали цены, и с тех пор его жизнь превратилась в тяжкую борьбу за существование. Поместье и дом пришлось заложить на очень невыгодных условиях, а теперь, когда каучук вновь стал делом прибыльным, все заработанное уходило кредиторам. Обычная история для Малайи. Необычным в Грэндже было лишь то, что он был человеком без родины. Он родился в Борнео, жил здесь с родителями, потом, когда подрос, поехал в Англию, чтобы получить образование, в семнадцать лет вернулся и никогда больше отсюда не выезжал, только в Месопотамию во время войны. Англия для него ничего не значила. У него не было там ни друзей, ни родственников. Большинство местных плантаторов, как и чиновников, были выходцами из Англии, отпуск проводили там и мечтали поселиться там безвыездно, как только уйдут на покой. А что могла Англия предложить Норману Грэнджу?

- Я здесь родился, - сказал он, - здесь и умру. В Англии я чужак. Не люблю их обычаи и не понимаю, о чем они толкуют. Но и здесь я чужак. Для малайцев и китайцев я белый, хотя говорю на малайском не хуже их, и всегда буду для них белым. – Потом сознался: - Конечно, будь я поумнее, я бы женился на малайской девушке и завел бы себе пол дюжины ребятишек-полукровок. Это единственный выход для тех, кто здесь родился и вырос.

Но причина страданий Грэнджа коренилась в чем-то ином, не в финансовых тяготах. О других белых, живших в колонии, он не сказал ни единого доброго слова. Видимо, считал, что они тоже относятся к нему с презрением, потому что он родился здесь. Он был раздражительным, разочаровавшимся в жизни человеком, к тому же еще и самовлюбленным. Показал Скелтону свою библиотеку. Книг было немного, зато все специально подобранные, представлявшие вершины английской литературы; он постоянно их перечитывал, но похоже они не научили его ни милосердию, ни доброте, не затронули в нем ни единой струны, он читал их лишь для удовлетворения собственного тщеславия. Его внешность, такая благодушная и такая типично английская, казалось, имела весьма отдаленное отношение к тому человеку, что скрывался за ней, вас не покидало ощущение, что перед вами – маска злодея.

На следующий день рано утром, чтобы немного насладиться прохладой, Скелтон устроился на веранде возле своей комнаты с трубкой и книгой. Он был еще очень слаб, но чувствовал себя гораздо лучше. Вскоре к нему подошла мисс Грэндж. В руках она держала большой альбом.

- Я решила показать вам свои старые фотографии и заметки обо мне. Не думайте, что я всегда была такой, как сейчас. Он ушел на плантацию и вернется часа через два-три .

Мисс Грэндж, в том же голубом платье, в каком была накануне, попрежнему непричесанная, казалась очень взволнованной.

- Это единственное, что напоминает мне о моем прошлом. Когда мне становится совсем тошно, я смотрю свой альбом.

Она сидела рядом со Скелтоном, пока он листал страницы. Заметки были из провинциальных газет, упоминания о мисс Грэндж – ее сценическое имя было Веста Блэз – были аккуратно подчеркнуты. Судя по фотографиям, она была хорошенькой, но не обладала яркой индивидуальностью. Она играла в музыкальных комедиях и ревю, в фарсах и комедиях, просмотрев заметки и фотографии, можно было с

легкостью убедиться, что перед вами обычная, серая, даже вульгарная карьера девушки без особых талантов, которая оказалась на сцене лишь благодаря смазливой мордашке и ладной фигуре. Мисс Грэндж рассматривала фотографии и читала заметки с таким жадным интересом, словно никогда прежде их не видела, голова ее при этом продолжала дергаться, а рука ходить ходуном.

- В театре надо иметь покровителя, а у меня никого не было, - сказала она.. – Если бы судьба мне улыбнулась, я верю, я бы сделала блестящую карьеру. А мне просто не везло, какие уж тут могут быть сомнения.

Все это звучало лживо и с какой-то ненужной патетикой.

- Осмелюсь заметить, что сейчас вам лучше живется, - сказал Скелтон.

- Что вы хотите сказать? Что вообще вы знаете о моей жизни здесь? Лучше бы я руки на себя наложила, когда узнала, что он жаждет моей смерти. А теперь единственное, чем я могу мстить ему – оставаться живой. Пока он жив, я буду жить. Ох, как я ненавижу его! Я часто думала, может, мне отравить его? Но духа не хватило. Не знаю, как это осуществить, к тому же, если бы он умер, китайцам запретили бы у нас работать, а меня бы отсюда выгнали. А куда мне податься? Ведь у меня никого на всем белом свете нет.

Скелтон был ошеломлен. В голове пронеслась мысль, что она безумна. Он не знал, что сказать. Она бросила на него пронизательный взгляд.

- Полагаю, что вас удивляет, что я так говорю. Но я отдаю отчет каждому своему слову. Он тоже хотел бы убить меня и тоже не решается. Он-то прекрасно знает, как ему это сделать. Знает, как малайцы обычно убивают. Он здесь родился. Он вообще все знает об этой стране.

Скелтон заставил себя заговорить.

- Видите ли, мисс Грэндж, я – совершенно чужой вам человек. Не полагаете ли вы, что весьма неблагоприятно сообщать мне вещи, которые мне не следует знать? К тому же, вы ведете весьма замкнутый образ жизни. Осмелюсь заметить, что вы с супругом, должно быть, стали раздражать друг друга. При таком положении дел, может, вам следует собраться с силами и поехать в Англию?

- Я не хочу в Англию. Мне будет стыдно, когда там увидят, на кого я стала похожа. Вы знаете, сколько мне лет? Сорок шесть. А выгляжу на шестьдесят, я знаю. Я потому и показала мои фотографии, чтобы вы убедились – я не всегда была такой, какая сейчас. Господи, как я загубила свою жизнь! Люди говорят о романтике

Востока. Пусть они сами им и наслаждаются. А по мне лучше работать костюмершей в провинциальном театре или уборщицей, чем мучиться, как я. Пока я не очутилась в этой дыре, я никогда не была одинока, вокруг меня всегда были люди, вы не представляете себе, что это такое – не иметь возможности перемолвиться с кем-нибудь словом круглый год. Все держать в себе. Испытали бы вы на собственной шкуре эту муку – не видеть ни единой души неделями, днями напролет, и так шестнадцать лет кряду – никого, кроме человека, которого вы ненавидите всеми фибрами своей души.

- Да будет вам, не все так плохо.

- Я говорю вам правду. Зачем мне вам лгать? Я никогда больше вас не увижу, какое мне дело до того, что вы обо мне подумаете. И даже если вы расскажите другим то, в чем я вам сейчас призналась, когда попадете на побережье, какое это имеет значение? Вы услышите в ответ: “Господи, неужели вы останавливались у этих придурков? Мне вас жаль. Он – чужак, а она безумная, у нее тик. Такое впечатление, будто она хочет оттереть кровь со своего платья. У них там приключилось что-то странное, но никто не знает что именно, давным-давно это было, тогда здесь совсем глухие места были.” Проклятая, дикая история, скажу я вам, это уж точно. Я вам сейчас ее расскажу, мне ничего не стоит. А вы повеселите честную компанию в клубе. Вам потом долго не придется платить за выпивку. Будь он прокляты! Господи, как я ненавижу эту страну! Ненавижу эту реку! Ненавижу этот дом! Ненавижу этот каучук! Проклинаю этих грязных туземцев. И мне предстоит все это терпеть до самой смерти, а когда она придет за мной, рядом даже доктора не будет, друга не будет, некому будет меня за руку держать.

Она разрыдалась – у нее началась истерика. Мисс Грэндж говорила с таким надрывом, с такой страстью, какие Скелтон не подозревал в ней. В ее безжалостной иронии сквозили боль и мука, так же как и в ее страдании. Скелтон был молод, ему не было еще и тридцати лет, он растерялся, не зная, как себя вести в подобной ситуации. Но молчать он не мог.

- Простите, мисс Грэндж, я очень хотел бы вам помочь.

- А я не прошу у вас помощи. Мне никто не может помочь.

Скелтона охватило отчаяние. Из ее слов он, конечно же, понял, что она замешана в каком-то таинственном, а может, и зловещем происшествии, не исключено, что если она откроется ему, не опасаясь последствий, ей станет легче.

- Я не намерен вмешиваться не в свои дела, мисс Грэндж, но если вы считаете, что, поделившись со мной, поведав о том, о чем вы только что упоминали, вы облегчите свою душу, я даю вам слово, я никогда не расскажу об этом никому.

Она внезапно перестала плакать и посмотрела на него долгим, пристальным взглядом. Она колебалась. У него сложилось впечатление, что желание заговорить было у нее почти непреодолимым. Но она покачала головой и вздохнула.

- Не поможет. Мне ничего уже не поможет.

Она встала и тут же ушла с веранды.

За бранчем мужчины сидели одни.

- Жена просит извинить ее, - сказал Грэндж. – У нее приступ мигрени, так что она не встает с постели.

- Мне ее очень жаль.

Скелтон отметил про себя, что в пытливым взгляде Грэнджа, который он обратил к нему, были недовери и враждебность. Он вдруг подумал, что Грэндж каким-то образом обнаружил, что мисс Грэндж говорила с ним, и не исключено, сказала что-то такое, о чем благоразумнее было бы смолчать. Скелтон попытался завести беседу, но хозяин не откликнулся на его попытки, и они закончили трапезу, не проронив ни слова. Вставая из-за стола, Грэндж ограничился фразой:

- Судя по всему, вы уже в форме, не думаю, что вам хочется задерживаться в этом Богом забытом краю дольше необходимого. Я послал слугу к реке, велел нанять для вас две лодки, чтобы они доставили вас к побережью моря. Они будут вас ждать в шесть часов утра.

Скелтон понял, что не ошибся: Грэндж узнал или догадался, что его жена наболтала ему лишнего, а потому он хочет поскорее избавиться от опасного гостя.

- Как великодушно с вашей стороны! – ответил Скелтон, улыбнувшись. – Я действительно уже в отличной форме.

Но в глазах Грэнджа не было и тени улыбки. В них сквозила враждебность.

- Позднее можем сыграть партию шахмат, - сказал он.

- Отлично. А когда вы вернетесь из конторы?

- У меня сегодня там нет особых дел. Останусь дома.

Интересно, подумал Скелтон, ему померещилось, что в голосе Грэнджа прозвучала угроза или нет? Похоже, он хочет помешать ему и своей жене остаться с глазу на

глаз. Мисс Грэндж не вышла к обеду. Они пили кофе и курили манильскую сигару. Затем Грэндж встал, резко отодвинув стул назад, и сказал:

- Вам завтра рано вставать. Думаю, вам пора на боковую. Я завтра начну свой обход в то же время, что вы отправитесь в путь, так что хочу попрощаться с вами сейчас.

- Подождите, я пошлю за своими ружьями. Я хочу, чтобы вы выбрали себе то, что вам приглянется.

- Я велю бою принести их.

Ружья принесли, и Грэндж сделал свой выбор. Но он и вида не подал, что доволен столь отменным подарком.

- Вы даете себе отчет, что это ружье стоит во сто крат больше, чем пища, выпивка и курица, которыми я угощал вас? – спросил он.

- Я знаю, что вы спасли мне жизнь. Не думаю, что старое ружье слишком щедрое вознаграждение за это.

Они пожали друг другу руки и расстались.

На следующее утро, когда багаж унесли к лодкам, Скелтон спросил слугу, может ли он перед отъездом попрощаться с мисс Грэндж. Тот обещал узнать. Скелтону не пришлось долго ждать. Мисс Грэндж вышла из своей комнаты на веранду. Она была в розовом халате из японского шелка, старом, мятом и несвежем, отороченным дешевыми кружевами. На лице толстым слоем лежала пудра, на щеках – румяна, губы были алыми от помады. Голова у нее подергивалась гораздо сильнее обычного, а рука металась в странном жесте. Когда Скелтон увидел этот жест в первый раз, он принял его за желание хозяйки обратить внимание собеседника на какой-то предмет позади нее, но теперь, после того, что она ему рассказала, он действительно напоминал движение, которым пытаются что-то стереть с платья. «Кровь», - сказала она.

- Я не хотел отплывать, не поблагодарив вас за вашу доброту, - сказал он.

- Да будет вам.

- До свидания.

- Я провожу вас вниз до причала.

Путь был совсем не долгий. Лодочники укладывали багаж. Скелтон посмотрел через реку, туда, где виднелись домишки туземцев.

- Эти лодочники, наверно, оттуда? Там, похоже, деревня.

- - Нет, всего несколько домиков. Раньше там была плантация каучуковых деревьев, но компания разорилась и плантацию бросили.

- Вы когда-нибудь там были?

- Я? – вскричала мисс Грэндж пронзительным голосом, а голова и рука забились в конвульсии, внезапно настигшей ее. – Нет. Зачем это мне?

Скелтон не мог понять, почему столь простой вопрос, который он задал из вежливости, так сильно огорчил ее. Но вот буря улеглась, и они пожали друг другу на прощание руку. Он сел в лодку и поудобнее устроился там. Лодки оттолкнулись от берега. Он помахал мисс Грэндж. Когда его лодка поплыла по течению, она истошно закричала:

- Поклонитесь от меня Лестер-сквэйр.*

Скелтон с облегчением вздохнул – мощными взмахами весел гребцы увлекали его лодку все дальше и дальше от этого жуткого дома и от этих, пусть и несчастных, но отвратительных людей. Теперь он был рад, что мисс Грэндж не успела поведать ему свою историю, которая вертелась у нее на кончике языка. Не хотел он знать ни о какой трагической истории греха или безумия, которая неотвязно преследовала бы его, и он не смог бы всю жизнь отделаться от воспоминаний. Он хотя бы хотел забыть их, так люди торопятся забыть кошмарный сон.

А мисс Грэндж следила за лодками, пока они не скрылись за поворотом. Потом она медленно поднялась к себе в дом и вошла в спальню. Здесь царил полумрак – из-за жары шторы были опущены, но она села за свой туалетный столик и стала пристально смотреть на себя в зеркало. Норман подарил ей этот столик вскоре после свадьбы. Сделал его, конечно, местный плотник, а зеркало прислали из Сингапура, зато он был сделан по ее чертежу, точно такого рисунка и размера, как она хотела, он был большим, так что на нем было полно места для ее туалетных принадлежностей и косметики. Это был столик, о котором она мечтала долгие годы, но не могла себе позволить. Она до сих пор помнила, как она была довольна, когда первый раз увидела его. Она обвила руками шею мужа и поцеловала его.

• Площадь в Лондоне, на ней и вблизи нее расположено много театров и ресторанов.

- Ах, Норман, как ты добр ко мне! – сказала она. – Мне повезло, что я такого парня отхватила. Верно?

Но в ту пору ее все приводило в восторг. Ей нравилась жизнь у реки, жизнь в джунглях, буйство растительности, веселое разноцветье птиц, блеск ярких бабочек. Она принялась наводить порядок в доме, повесила все свои фотографии, купила вазы для цветов, расставила повсюду безделушки.

- С ними в доме уютнее, - сказала она.

Она не любила Нормана, но он ей нравился, и потом – так приятно быть замужем, так приятно ничего не делать с утра до вечера, слушать пластинки на граммофоне, раскладывать пасьянс и читать книги! Иногда, конечно, было немного скучно, но Норман сказал, что она к этому привыкнет, и пообещал, что через год, в крайнем случае, через два повезет ее в Англию на три месяца. Вот будет замечательно познакомиться его со всеми ее друзьями! Она понимала, что его притягивает блеск рампы, и она расписывала ему свои сценические победы, которых, в сущности, и не было. Хотела, чтобы он оценил жертву, которую она принесла, бросив сцену и выйдя замуж за плантатора. Делала вид, что знакома со многими примамми, хотя на самом деле у нее не было случая даже говорить с ними. Когда они с мужем приедут к ней на родину, придется кое-что подкорректировать, но для нее это пара пустяков, в конце концов Норман знает о жизни театра не больше младенца, и если она не сумеет вертеть таким простым парнем, каким был ее муженек, имея за плечами двенадцатилетний опыт игры на сцене, значит, она полная бездарь, и ничего тут не попишешь. Первый год все шло распрекрасно. В какой-то момент ей показалось, что она ждет ребенка. Они оба разочаровались, когда поняли, что она ошиблась. Потом она начала тосковать. Ее угнетало, что ей приходится заниматься одним и тем же изо дня в день, и сама мысль, что она обречена на пожизненное унылое повторение одного и того же, страшила ее. В тот год Норман сказал, что он не может оставлять без присмотра плантацию. Они немного повздорили. Вот тогда-то он и сказал слова, испугавшие ее:

- Ненавижу Англию! - сказал он. - Будь моя воля, я бы в жизни не поехал в эту проклятую страну!

Мисс Грэндж привыкла к одиночеству и стала разговаривать сама с собой. Она запиралась в своей комнате и часами болтала; вот и теперь, обмакивая пухик в пудру и накладывая на лицо толстый слой пудры, она произносила свой монолог зеркалу, точно беседовала с кем-то.

- Это должно было насторожить меня. Мне надо было настоять и поехать одной, я бы смогла получить работу в Лондоне. У меня ведь опыт и все такое. Я бы потом написала ему, сообщила бы, что не вернусь. – Она обратилась в своих мыслях к Скелтону. – Жаль, что я все ему не рассказала, - продолжала она. – Я ведь почти решилась. Может, он был прав, может, мне бы стало легче. Интересно, что бы он сказал. – Она передразнила его оксфордский акцент: - «Мне так вас жаль, мисс Грэндж. Как бы я хотел вам помочь!» – Она хихикнула, но ее смешок скорее походил на всхлип. – Если бы я решилась рассказать ему о Джеке... О, Джек...

Спустя два года после их замужества у них появился сосед. Цены на каучук подскочили, поэтому стали разводить плантации на новых участках, одна крупная компания купила большой участок на противоположном берегу реки. Это была процветающая компания, и с самого начала там все было поставлено на широкую ногу. У управляющего, которого они наняли, был собственный баркас, а потому ему ничего не стоило, когда захочется, переплыть реку, чтобы опрокинуть рюмочку-другую с соесдом. Его звали Джек Карр. Он был совсем другого сорта, чем Норман, прежде всего он был истый джентльмен, закончил школу и университет; ему было около тридцати пяти, он был высоким, не таким мускулистым и упитанным, как Норман, а тонким и изящным; словом, к его фигуре очень пошел бы фрак; а еще у него были волнистые волосы и смеющийся взгляд. Именно ее тип мужчины! Он ей сразу же приглянулся. Как замечательно, что появился собоседник, с которым можно болтать о Лондоне, о театре. Он был веселого и легкого нрава. Шутил так, что вы могли оценить эти шутки. Через пару недель она привыкла к нему больше, чем к своему мужу за два года. В Нормане что-то таилось, чего она не могла постичь. Конечно, он был без ума от нее, много рассказывал о себе, но ее не покидало странное чувство, что он что-то скрывает от нее, пусть и непреднамеренно, но – даже трудно объяснить, в нем пряталось настолько чуждое, непонятное ей, что казалось, он не может даже выразить это словами. Позднее, узнав поближе Джека, она поделилась с ним своими проблемами, а Джек объяснил это тем, что Норман родился в этих краях, и хотя в его жилах нет ни капли крови аборигенов, что-то передалось ему от них, он не чисто белый человек, в нем есть что-то восточное. И как бы он ни старался, он не в силах стать истым англичанином.

Она громко тараторила в пустом доме, два боя, повар и слуга были во флигеле. И звук ее голоса, звеня под деревянными потолками, прорываясь сквозь деревянные

стены, был сродни невнятной речи не человека, а молодого вина, бродившего в бочке. Она говорила так, словно Скелтон был рядом, но очень сбивчиво, будь он на самом деле здесь, он с трудом бы поспевал за нитью ее рассказа. Очень скоро она поняла, что Джек Карр добивается ее. Это открытие повергло ее в волнение. Она не была женщиной легкомысленной, но за годы, что она играла на сцене, у нее, конечно, были кое-какие приключения. Не очень-то весело мотаться по гастролям, если не позволять себе маленькие шалости. Конечно, теперь она не собиралась сдаваться без борьбы, не хотела показаться слишком уж уступчивой, но при той жизни, что она вела, надо быть полной дурой, чтобы упустить свой шанс; ну, а что касается Нормана, то, как говорится, не пойман – не вор. Они с Джеком отлично поняли друг друга, знали, что рано или поздно это должно случиться, просто надо ждать, когда им улыбнется случай. Но потом произошло то, к чему они оба вовсе не были готовы: они отчаянно влюбились друг в друга. Если бы мисс Грэндж действительно рассказывала свою историю Скелтону, ему бы это, так же как и им, она показалась неправдоподобной. Они были совсем обыкновенными людьми, он – веселый, добродушный, простой плантатор, а она – актрисуля, не блиставшая умом, не первой молодости, у которой единственными достоинствами были ладная фигурка и смазливое личико. Легкий роман, интрижка внезапно обернулись всепоглощающей страстью, и ни он, ни она были не в силах вынести ее непомерную власть. Их тянуло друг к другу; они чувствовали себя несчастными в разлуке и не находили себе места. До этого Норман был ей скучен, но она мирилась с ним – ведь он был ее мужем; сейчас он стал раздражать ее до неистовства, потому что он стоял между ней и Джеком. Они не могли убежать вместе - у Джека Карра ничего за душой не было, кроме его жалованья, а потому он не мог и помыслить бросить работу, которой так дорожил. Встречаться им было трудно. Они подвергали себя страшному риску. Не исключено, что всякий раз, когда им улыбалась фортуна и когда они преодолевали препятствия, они тем самым подливали масло в огонь их любви; и спустя год они были поглощены страстью, как в самом начале их романа; то был год муки и блаженства, страха и трепета счастья. А потом она поняла, что беременна. У нее не было ни малейших сомнений, что отец ребенка – Джек Карр, и она была несказанно счастлива. Конечно, жизнь была трудна, порой так трудна, что ей казалось, что она не в силах с ней справиться, но родиться ребенок, думала она, его ребенок, тогда станет легче. Она собиралась рожать в Кучинге. Так сложились обстоятельства, что

Джека Карра отсылали по делам компании в Сингапур, он должен был отсутствовать несколько недель, но он обещал вернуться до ее отъезда и сказал, что даст знать через кого-нибудь из местных о своем возвращении. Когда, наконец, долгожданное сообщение пришло, ее охватила такая радость, что ей даже плохо стало, никогда раньше она не нуждалась в нем так сильно.

- Я слышала, Джек вернулся, - сказала она за обедом мужу. – Я утром сплаваю туда на лодке за вещами, которые он обещал привезти мне.

- Я бы не делал этого. Он сам заглянет к нам до захода солнца, уверяю тебя., и все сам привезет.

- Ой, я лопну от нетерпения. Мне так хочется поскорее все получить!

- Что ж, поступай, как знаешь.

Она не могла не говорить о нем. Так уж сложилось в последнее время – с мужем они почти не общались, но той ночью она была так возбуждена, болтала без умолку, как в первый месяц их замужества. Обычно она вставала рано, в шесть утра, и в тот день пораньше спустилась к реке и искупалась. Как раз под ними берег изгибался небольшой излучиной, он был из мелкого песка, и она наслаждалась, плескаясь в прохладной, прозрачной воде. На ветке, нависшей над водой, пристроился зимородок, его отражение сияло ослепительной голубизной в воде. Как хорошо! Она выпила чая и села в челнок. Ее перевез через реку местный мальчишка. На дорогу ушло почти полчаса. Когда они подплыли поближе, она стала осматривать берег – Джек ведь знал, что она приплывет с первой оказией, он непременно выйдет к реке ее встретить. А вот и он! Невыносимая, сладостная боль сжала сердце. Он спустился к причалу и помог ей выбраться из челнока. Они пошли, взявшись за руки, вверх по тропинке. А когда мальчишка, который довез ее сюда, и любопытные обитатели дома не могли больше за ними следить, они остановились. Он обнял ее, она бросилась в его объятия, изнемогая от страсти. Прижалась к нему. Его губы искали ее губ. В этот поцелуй они вложили всю муку разлуки, все блаженство встречи. Чудо любви преобразило их, они потеряли ощущение времени, не сознавали, где они. Они больше не были человеческими существами, но духами, слитыми воедино, охваченными божественным пламенем. Ни одна мысль не тревожила их ум. Слова застыли на губах. Внезапно какой-то чудовищный толчок, точно удар, сокрушил их тела, и тотчас же, почти одновременно раздался оглушительный шум. Объятая

ужасом, не понимая, что произошло, она еще теснее прижалась к Джеку, а он так судорожно сжал ее, что она задохнулась, а потом он стал падать на нее.

- Джек!

Она пыталась удержать его. Но он был слишком тяжелым для нее, он упал, увлекая ее за собой. Она закричала – ее обдало жаром: его кровь заливала ее. Она пронзительно кричала. Чья-то рука грубо схватила ее и поставила на ноги. Это был Норман. Она обезумела. Не могла понять, что происходит.

- Норман, что ты сделал?

- Убил его.

Она непонимающе смотрела на него, потом оттолкнула.

- Джек! Джек!

- Замолчи! Пойду приведу кого-нибудь. Произошел несчастный случай.

Он быстро пошел по тропинке. Упав на колени, она обняла голову Джека.

- Любимый, - стонала она. - О мой любимый...

Норман вернулся с кули, и они отнесли Джека в дом. В ту ночь у нее был выкидыш, несколько дней она была между жизнью и смертью. А когда выкарабкалась, у нее начался нервный тик, которым она страдала по сей день. Она полагала, что Норман отошлет ее прочь; но он не отослал – он вынужден был оставить ее у себя, чтобы отвести возможные подозрения. Местные жители немного посудачили о происшедшем, приезжал окружной полицейский, мучил всех допросами; но все так боялись Нормана, что окружной полицейский ничего от них не добился. Мальчишка-даяк, тот, что перевез ее на челноке, куда-то исчез. Норман же сказал, что у него заклинило ружье, Джек взял его посмотреть, в чем дело, тут оно и выстрелило. В их краях людей хоронят не медля, а если бы его решили эксгумировать, то к тому времени от него мало что осталось бы, так что показания Нормана никто не смог бы опровергнуть. Окружного полицейского ответы Нормана не убедили.

-Все это шито белыми нитками, - сказал он. – Но поскольку больше нет никаких улик, мне ничего не остается как принять вашу версию.

Она бы все отдала, чтобы уехать отсюда, но нервный тик лишил ее последней надежды найти работу. Она должна была остаться – или обречь себя на голодную смерть, а Норман должен был ее оставить - в противном случае его ждала петля. С тех пор больше ничего не изменилось – и никогда ничего не изменится. Потянулась вереница бесконечных, унылых лет.

Внезапно мисс Грэндж замолкла. Ее обостренный слух уловил звук шагов по тропинке, скоро она убедилась, что Норман вернулся со своего обхода. Голова ее неудержимо забилась в конвульсиях, рука начала дергаться в зловещем, неподвластном ей жесте, она стала искать на туалетном столике среди набросанных в беспорядке предметов ее драгоценную помаду. Намазала ею рот, а потом, не отдавая себе отчета в том, что делает, словно подчиняясь какому-то капризу, вымазала ее, целиком весь тюбик, на нос, уподобившись красноносому комедианту мюзикла. Взглянула на себя в зеркало и захохотала.

К дьяволу эту жизнь! – закричала она.

ТРИ ПОЛНЫЕ ДАМЫ В АНТИБАХ

Одну звали мисс Ричман, она была вдовой. Другую – мисс Сатклифф, она была американкой, дважды разведенной. Третья, мисс Хиксон, была старой девой. Им давно перевалило за сорок, все они были дамы состоятельные. У мисс Сатклифф было забавное имя – Стрелка. Когда она была юной и стройной, оно ей очень нравилось. К тому же, оно ей подходило, и шутки, которые оно вызывало, хотя окружающие повторяли их слишком часто, ей льстили – она склонна была думать, что ее имя соответствовало и ее характеру: оно предполагает прямолинейность, подвижность и целеустремленность. Теперь оно нравилось ей гораздо меньше – ее нежные черты лица слишком заплыли жиром, руки и плечи располнели, а бедра стали массивными. Ей все труднее становилось находить наряды, в которых она выглядела бы так, как хотела. А шутки, которые раньше произносили при ней не стесняясь, теперь отпускали за ее спиной, и она прекрасно понимала, что они были далеко не лестными. Но она ни в какую не хотела сдаваться старости. По-прежнему любила голубые тона, подчеркивающие цвет ее глаз, а с помощью различных ухищрений сохраняла блеск волос. Ей нравилось в Беатрисе Ричман и Фрэнсис Хиксон, что они были настолько полнее ее, что на их фоне она казалась даже стройной; они были старше ее и обращались с ней, как с юным созданием. Ей это было приятно. Будучи от природы женщинами добродушными, они беззлобно подшучивали над ее поклонниками; они-то давно расстались с мыслями о подобной чепухе, на самом деле мисс Хиксон вообще никогда ни о чем таком не помышляла; обе дамы с пониманием относились к ее флирту. Им было ясно, что в один прекрасный день Стрелка осчастливит третьего мужчину.

- Только не прибавляйте в весе, дорогая, - сказала мисс Ричман.

- И умоляю, выясните сначала, играет ли он в бридж, прежде чем делать свой выбор, - сказала мисс Хиксон.

Они приглядывали для нее господина в возрасте, лет пятидесяти, но прекрасно сохранившегося, с гордой осанкой, адмирала в отставке, отличного игрока в гольф, или же вдовца без потомства, и непременно условием было солидное состояние. Стрелка слушала их с удовольствием, но в глубине души знала, что это не ее идеал. Конечно, она хотела снова выйти замуж, это правда, но ее воображение привлекал стройный смуглый итальянец с горящим взглядом или испанский дон благородных

кровей – и ни на один день не старше тридцати лет. Временами, глядя на себя в зеркало, она была уверена, что и сама выглядит не старше этих лет.

Они были закадычными подругами – мисс Хиксон, мисс Ричман и Стрелка Сатклифф. Объединила их полнота, а бридж сцементировал этот союз. Они познакомились в Карлсбаде – остановились в одном отеле, у них был общий доктор, обращавшийся с ними одинаково грубо. Беатриса Ричман была огромных размеров. Она была привлекательной, с красивыми глазами, румянами на щеках и ярко на помаженными губами. Она не жаловалась на свой жребий вдовы с кругленьким капиталцем. Она обожала поесть. Обожала хлеб с маслом, сливки, картошку, сдобные пудинги, поэтому одиннадцать месяцев в году она ни в чем себе не отказывала, а на месяц отправлялась в Карлсбад похудеть. Но с каждым годом становилась все полнее. В своих бедах она винила доктора, а тот не щадил и не жалел ее. Он говорил ей о простых, непреложных истинах.

- Но если я откажу себе в любимых блюдах, тогда и жить не стоит, - возражала она.

Он неодобрительно пожимал плечами. Позднее она поделилась с мисс Хиксон своими подозрениями – похоже, он не такой умный, как она считала. Мисс Хиксон в ответ громко захохотала. Да, она была такой – с низким басом, крупным, плоским, болезненного цвета лицом, на котором сверкали яркие глазки; ходила сутулясь, руки в карманах, а при всяком удобном случае, так, чтобы не шокировать окружающих, курила длинную сигару. Старалась одеваться, как мужчина.

- Да я на черта буду похожа во всех этих рюшечках и оборках, - говорила она. – Таким толстым, как я, надо носить просторную, удобную одежду.

Она носила твидовые костюмы и тяжелые ботинки, а когда могла – ходила с непокрытой головой. Была сильной, как бык, и хвастала, что мало кто из мужчин может послать мяч так же далеко, как она. Говорила простым языком, а ругаться умела похлеще портового грузчика. Хотя звали ее Фрэнсис, она предпочитала, чтобы ее звали Фрэнк. Властная, но тактичная, она, благодаря своему общительному и сильному характеру, берегла их дружеский союз. Они пили вместе лечебную воду, в одно и то же время принимали ванны, ходили на прогулки, топтались на теннисном корте, пытались играть с профессионалом, который заставлял их бегать, и ели за одним столиком свою скудную, диетическую пищу. Ничто не могло нарушить их безмятежного настроения – ничто, кроме весов, но когда кто-нибудь из них

обнаруживал, что весит ровно столько, сколько весил накануне, то тогда ни грубые шутки Фрэнк, ни *bonhomie** Беатрисы, ни кошачьи повадки Стрелки не могли развеять мрак, в который погружалась провинившаяся. На помощь привлекались самые крутые меры, несчастная не вставала с постели круглые сутки и ничегошеньки не брала в рот, кроме знаменитых овощных супов, прописанных доктором, которые напоминали горячую воду, в которой прополоскали капусту.

Три дамы были поистине закадычными подругами, другой такой неразливной троицы свет не видывал. Они не нуждались бы ни в чьей компании, если бы им не нужен был четвертый партнер для бриджа. Они были азартными, заядлыми игроками, и, закончив дневной курс лечения, без промедления садились за карточный столик. Стрелка, несмотря на свою женственность, играла лучше всех – по-мужски, блистательно, без снисхождения и уступок, никогда не отказывая себе в удовольствии

* - добродушие, прямота (франц.)

воспользоваться промахом противника. Беатриса играла ровно, была надежным союзником. Фрэнк была лихим игроком, к тому же великим теоретиком, так и сыпала фамилиями авторитетов. Они подолгу спорили относительно разных способов игры. В качестве аргументов приводили примеры из Кулберстоуна и Симса. Можно не сомневаться – ни одна из них не делала хода, не обдумав его раз пятнадцать, но из их последующей беседы становилось не менее очевидным, что существовало не менее пятнадцати причин, в силу которых ей не следовало ходить именно этой картой. Жизнь была бы замечательной, даже при том, что круглосуточно приходилось есть мерзкий суп, когда отвратные (Беатриса), проклятые (Фрэнк), противные (Стрелка) весы доктора показывали почему-то, что кто-нибудь из них за два дня не потерял ни унции, она была бы замечательной, если бы не вечная морока в поисках игрока их класса.

Именно по этой причине, из-за которой и произошли описываемые нами события, Фрэнк пригласила Лену Финч пожить с ними в Антибах. Подруги остановились там на несколько недель по предложению Фрэнк. Ей, с ее трезвым взглядом на вещи, казалось диким, что, как только лечение закончится, Беатриса, терявшая обычно двадцать фунтов, непременно даст волю своему неумному аппетиту и тут же снова наберет их. У Беатрисы не было характера. Она нуждалась в том, чтобы рядом

находился человек с сильной волей и следил за ее диетой. Вот Фрэнк и предложила, что после Карлсбада они снимут домик в Антибах, будут там заниматься гимнастикой, плавать – все знают, что плавание очень помогает сохранить фигуру стройной, ходить гулять на большие расстояния. Пригласили повара, чтобы с его помощью избегать блюд, от которых толстеют. Почему бы им не сбросить еще несколько фунтов? Эту идею все горячо одобрили. Беатриса знала, что ей полезно, а что вредно, и могла устоять перед искушением, если оно не под самым носом. К тому же, она любила азартные игры, и перспектива два-три раза в неделю испытывать волнение в казино представлялась ей весьма заманчивой. Стрелка обожала Антибы, а после месяца, проведенного в Карлсбаде, она была в отличной форме. Так что ей предстояло самой выбирать из стаи поклонников – юных итальянцев, страстных испанцев, галантных французов и длинноногих англичан, разгуливающих целыми днями в купальных костюмах и разноцветных халатах. Их план удался. Они потрясающе проводили время. Два дня в неделю ничего не ели, кроме сваренных вскрутую яиц и сырых помидор, а потому по утрам вставали на весы с легким сердцем. Стрелка похудела до одиннадцати стоунов^{*1} и стала похожа на девочку; Беатриса и Фрэнк осторожно ступали на весы, стараясь, чтобы стрелка не доходила до тринадцати. Они купили весы, которые показывали килограммы, и, демонстрируя силу своего интеллекта, в мгновение ока переводили эти цифры в фунты и унции.

Но их главной заботой оставался четвертый партнер для игры в бридж. Один играл, как чурбан, другой так туго соображал, что у вас лопалось терпение, один был сварливым, другая – постоянно проигрывала, третий – мошенничал. Даже странно, что так трудно было найти именно такого партнера, какой вам был нужен.

Однажды утром, когда они сидели в пижамах на террасе с видом на море, пили чай (без молока и сахара) и ели сухарики, приготовленные по рецепту доктора Хьюдберта, от которых нельзя было потолстеть, Фрэнк оторвалась от своей корреспонденции и изрекла:

- Лена Финч приезжает на Ривьеру.
- Кто такая? – спросила Стрелка.

¹ * - 1 стоун = 14 англ. фунтам = 6,34 кг.

- Жена моего кузена. Два месяца тому назад он умер, и она до сих пор приходит в себя от нервного потрясения. Давайте пригласим ее к нам на две недели.
- Она играет в бридж? – спросила Беатриса.
- Голову даю на отсечение, что играет, - прогрохотала Фрэнк своим низким басом. – И отлично играет. Нам в таком случае никто не нужен будет.
- А сколько ей лет? – спросила Стрелка.
- Моя ровесница.
- Вполне подходит.

На том и порешили. Фрэнк, будучи дамой решительной, сразу же после завтрака отправилась послать телеграмму, и три дня спустя Лена Финч приехала. Фрэнк встречала ее на вокзале. Она была в глубоком, но не очень уж навязчивом, трауре по недавно почившему супругу. Фрэнк не видела ее два года. Она нежно поцеловала ее и внимательно осмотрела.

- Ты очень худая, дорогая, - сказала она.

Лена мужественно улыбнулась.

- Мне здорово досталось. И я очень похудела.

Фрэнк вздохнула – то ли соболезная горю кузины, то ли завидуя ей.

Однако горе Лены не было безутешным – быстро приняв ванну, она собралась идти с Фрэнк к Эден - Рок. Фрэнк познакомила ее со своими подругами, и они расположились в так называемом Домике обезьян. Это был павильон из стекла с видом на море, в глубине стоял бар, в нем постоянно толпилась публика: отдыхающие в купальниках, пижамах и халатах сидели за столиками, болтали и курили. У Беатрисы было отзывчивое сердце, и она сразу же прониклась симпатией к безутешной вдове, а Стрелка, увидев, какая она бледная, неприглядная и выглядит на все сорок восемь лет, тоже готова была полюбить ее всей душой. К ним подошел официант.

- Ты что будешь, Лена, дорогая? - спросила Фрэнк.

- О, я не знаю, что вы будете – сухой мартини или «Белую леди»?

Стрелка и Беатриса метнули на нее взгляд. Ведь всем известно, как от коктейлей полнеют!

- Подозреваю, ты очень утомилась с дороги, - сказала миролюбиво Фрэнк.

Она заказала сухой мартини для Лены, а для себя и своих подруг сок из лимона и апельсина.

- В эту жару, по нашему мнению, алкоголь вреден, - объяснила она.
- А на меня жара совсем не действует, - беспечно ответила Лена. – Я люблю коктейли.

Стрелка слегка побледнела под румянами (ни она, ни Беатриса никогда не мочили лицо, когда принимали ванны, и считали, что Фрэнк поступает просто дико, притворяясь, что ей нравится нырять в воду – с ее габаритами!), но промолчала. Завязался веселый и легкий разговор: они с упоением говорили банальности, а вскоре отправились домой на ланч.

В салфетке для каждой дамы были приготовлены по два маленьких постных сухарика. Лена лучезарно улыбнулась, кладя их возле тарелки.

- А мне можно хлеба? – спросила она.

Самая неприличная фраза не могла бы повергнуть трех дам в такой шок. Ни одна из них не ела хлеба уже лет десять. Даже Беатриса, несмотря на свою прожорливость, провела для себя запретную линию. Фрэнк, гостеприимная хозяйка, первая пришла в себя.

- Конечно, дорогая, - сказала она и попросила дворецкого принести хлеб.
- И масла, - сказала Лена своим милым, непринужденным тоном.

Повисла неловкая тишина.

- Не уверена, что у нас есть масло, - сказала Фрэнк, - но я распоряжусь. Может, на кухне найдется.

- Обожаю хлеб с маслом. А вы? – сказала Лена, поворачиваясь к Беатрисе.

Беатриса кисло улыбнулась и что-то уклончиво ответила. Дворецкий принес длинную, хрустящую французскую булку. Лена разрежала ее пополам и намазала аппетитным маслом. Подали жареного на гриле палтуса.

- У нас здесь совсем простая еда, - сказала Фрэнк. – Надеюсь, ты не будешь иметь ничего против.

- Ах, что ты, я люблю простую еду, - сказала Лена, взяла кусочек масла и намазала его на палтус. – Хлеб с маслом, картошка и сметана – мне больше ничего не надо.

Подруги переглянулись. Крупное, желтоватое лицо Фрэнк вытянулось, и она с отвращением взглянула на сухую, безвкусную рыбину, лежащую у нее на тарелке. На помощь к ней пришла Беатриса.

- Такая досада, здесь нигде не продают сметану и сливки, - сказала она. – На Ривьере приходится обходиться без них.

- Очень жаль! – воскликнула Лена.

На ланч подали котлетки из молодого барашка, удалив предварительно из него жир, чтобы не искушать Беатрису, потом – сваренный в пустой воде шпинат, а на десерт – грушевый компот. Лена попробовала компот и посмотрела вопросительно на дворецкого. Этот сообразительный мужчина мгновенно понял ее, и хотя тут не было заведено подавать сахарную пудру, не мешкая вручил ей сахарницу. Она не скупясь насыпала себе пудры. Подруги делали вид, что ничего не замечают. Подали кофе, Лена положила себе три кусочка сахара.

- А вы сладкоежка, - сказала Стрелка тоном, в который она старалась внести дружеские нотки.

- Мы считаем, что сахарин слаще, - сказала Фрэнк, кладя крошечную таблетку в кофе.

- Фу, какая гадость! – фыркнула Лена.

Уголки рта Беатрисы поползли вниз, и она бросила тоскливый взгляд на сахар.

- Беатриса! – строго прогрохотала Фрэнк.

Беатриса подавила вздох и потянулась за сахаринком.

Фрэнк успокоилась, только когда они сели за карточный столик. Для нее было очевидно, что Стрелка и Беатриса расстроены. А она-то хотела, чтобы Лена им понравилась и чтобы Лене понравилось у них. Для первого роббера Стрелка снимала колоду с новенькой.

- Вы играете по Виндербильту или по Кульбертсону? – спросила она ее.

- Я играю без всяких условностей, - отвечала Лена с безмятежно-счастливым видом. - Играю, как мне подсказывает интуиция.

- А я – строго по Кульбертсону, - ответила желчным тоном Стрелка.

Три полные дамы бросились в атаку. И в самом деле – долой условности! Они прочтат ее!

Когда дело касалось бриджа, даже семейные чувства Фрэнк отступали на второй план, и она, как и ее подруги, преисполнилась решимости разгромить новенькую. Но интуиция не изменяла Лене. У нее были врожденный дар игрока и огромный опыт. Она играла быстро, храбро, изобретательно и уверенно. Другие игроки были столь высокого класса, что весьма скоро поняли, что Лена твердо движется к поставленной

цели, а так как они были, в сущности, дамы добросердечные и великодушные, то постепенно смягчились. Это был настоящий бридж! Они все получали истинное удовольствие от игры. Стрелка и Беатриса сменили гнев на милость по отношению к Лене, а Фрэнк, заметив это, вздохнула с облегчением. По всему было видно, что партия удалась.

После двухчасовой игры они расстались: Фрэнк и Беатриса отправились играть в гольф, Стрелка – на прогулку со своим новым знакомым, князем Роккамаром. Он был такой душка, юный, красивый! А Лена сказала, что хочет отдохнуть.

Перед обедом они снова встретились.

- Надеюсь, у тебя все в порядке, Лена? – спросила Фрэнк. – Мне было не по себе, что я тебя бросила и тебе нечем было заняться.

- Да полно! Я выпалась, а потом спустилась к Хуану и выпила коктейль. И знаешь, что я обнаружила? Ты будешь очень рада. Я нашла чайную лавочку, где продают отличные, густые, свежие сливки. Я заказала полпинты сливок на каждый день, велела приносить их к нам домой. Пусть это будет моим скромным вкладом в наше хозяйство.

Глаза у нее сияли. Безусловно, она рассчитывала, что дамы придут в восторг от ее сообщения.

- Очень мило с твоей стороны, - сказала Фрэнк, пытаюсь погасить негодование, которое она читала на лицах подруг. – Но мы не пьем сливок. В этом климате это очень вредно для печени.

- Тогда я буду сами их пить, - сказала весело Лена.

- А вы когда-нибудь следили за своей фигурой? – медленно спросила ледяным тоном Стрелка.

- Доктор сказал, мне надо есть.

- Он сказал, что вам надо есть хлеб, масло, картошку и пить сливки?

- Да. А я думала, что вы именно эту еду называете простой.

-Но вы просто расползетесь до гигантских размеров! – сказала Беатриса.

Лена весело засмеялась.

- Нет, не расплзусь. Знаете, я никогда не полнею, всю жизнь ем, что хочу, – и ни малейшего эффекта.

Могильную тишину, наступившую после этой фразы, нарушил дворецкий.

- Mademoiselle est servie*², - сказал он.

Они вернулись к этой больной теме поздно вечером, после того как Лена ушла спать, собравшись в комнате Фрэнк. Весь вечер они веселились до упаду, обращались друг с другом так нежно и дружелюбно, что даже самый внимательный наблюдатель поверил бы в их искренность. Но теперь они сбросили маски. Беатриса сидела мрачнее тучи, Стрелка кипела от злости, а Фрэнк совсем упала духом.

- Не очень приятно сидеть и смотреть, как она поглощает еду, которую, я так люблю, - сказала жалобно Беатриса.

- Всем неприятно, - огрызнулась Фрэнк.

- И нечего было ее сюда приглашать, - сказала Стрелка.

- Откуда мне было знать? – возмутилась Фрэнк.

- Не могу отделаться от мысли, что если бы она действительно горевала по мужу, то не ела бы столько, - сказала Беатриса. – Ведь его всего два месяца назад похоронили. Я хочу сказать, по-моему, надо чтить память усопшего.

- Почему бы ей не есть то же, что и мы? – злобно сказала Стрелка. – Она же в гостях.

- Ты же слышала, что она сказала. Доктор велел ей есть побольше.

- Значит, ей надо отправляться в санаторий.

- Это невыносимо, Фрэнк, - простонала Беатриса.

- Раз я могу вынести, значит и вы сможете.

- Она твоя кузина, а не наша, - сказала Стрелка. – Я лично не собираюсь наблюдать две недели за тем, как эта женщина превращается в борова.

- До чего пошло придавать столько значения еде, - прогрохотала Фрэнк, при этом голос ее звучал ниже обычного. – В конечно счете, главная ценность для человека – духовное начало.

- Это ты меня считаешь пошлой, Фрэнк? – спросила Стрелка, сверкая глазами.

- Нет, конечно не тебя, - вмешалась Беатриса.

- Не удивлюсь, если узнаю, что по ночам, когда мы спим, ты спускаешься на кухню и тайком там лопаешь за обе щеки.

Фрэнк вскочила.

² * - Кушать подано! (франц.)

- Как ты смеешь, Стрелка! Я лично никогда не подозреваю другого в том, на что сама не способна. Ты ведь знаешь меня столько лет, и ты считаешь, что я способна на подобную низость?

- Почему же ты в таком случае не теряешь в весе?

От изумления Фрэнк не могла слова вымолвить и разрыдалась.

- Сказать такую гадость! Да я на глазах таю!

Она всхлипывала, как ребенок. Огромное тело содрогалось, а крупные слезы текли по громадной груди.

- Дорогая, я не хотела тебя обидеть! – закричала Стрелка.

Она бросилась на колени и обняла Фрэнк. Вернее только ту ее часть, которую оказалась в силах обхватить своими полными руками. Она заплакала, и румяна потекли по ее щекам.

- Ты хотела сказать, что на вид я несколько не похудела? – всхлипывала Фрэнк. – И это после всех моих мучений!

- О, дорогая, конечно видно, как сильно ты похудела! – кричала Стрелка сквозь слезы. – Все это заметили.

Беатриса, хотя и была от природы более уравновешенной, чем ее подруги, тоже принялась тихонько плакать. Какая трогательная сцена! В самом деле, только черствое существо не дрогнуло бы, глядя на рыдающую Фрэнк, эту женщину с львиным сердцем. Вскоре, однако, они вытерли слезы, выпили по капле бренди и по стакану воды, от нее – в чем были единодушны все доктора – почти не толстеют. И им полегчало. Они порешили, что Лене и впредь следует есть питательные продукты, которые рекомендовали ей доктора, и торжественно поклялись, что это зрелище не поколеблет их невозмутимость. Она, без сомнения, была первоклассным игроком в бридж, да к тому же испытание продлится всего две недели. А они постараются, чтобы ей понравилось у них. Они с нежностью поцеловались и расстались на ночь в непривычно приподнятом настроении. Ничто не должно омрачать их дружбу, которая подарила им столько счастливых мгновений!

Но человек – существо слабое. И не требуйте от него слишком многого. Они ели жареную на гриле рыбу, а Лена уплетала макароны с сыром и маслом, жареные котлеты и вареный шпинат, а Лена – *pate de foie gras**; два раза в неделю они давились крутыми яйцами и сырыми помидорами, а Лена ела грушевый компот со

взбитыми сливками и картофель с вкуснейшими приправами. Повар был отличным, он обрадовался возможности готовить сочные, вкусные, аппетитные блюда.

- Бедняжка Джим, - вздохнула Лена, вспоминая о супруге, - он так любил французскую кухню.

Дворецкий признался, что умеет готовить с полдюжины коктейлей, а Лена сообщила дамам, что доктор рекомендовал ей во время ланча пить бургундское, а во время обеда – шампанское. Три полные дамы упорно соблюдали свою диету. Они были оживлены, разговорчивы, даже веселы (этот природный дар женщины частенько пускают в ход, чтобы обмануть противника), но Беатриса стала вялой и несчастной, а нежные голубые глаза Стрелки приобрели стальной блеск. Низкий бас Фрэнк приобрел хрипотцу. А когда они играли в бридж, внутреннее напряжение прорывалось наружу. Обычно они любили болтать за картами, причем беседы их были вполне мирными. А теперь в них прокралась горечь, порой одна из дам подлавливала другую на ошибке, о чем сообщала с неуместной прямолинейностью. На смену мирным беседам пришли споры, а на смену им – перебранки. Иногда партия заканчивалась в зловещей тишине. Однажды Фрэнк обвинила Стрелку в том, что та нарочно ее подставила. Пару раз Беатриса, самая мягкая из них, плакала. В другой раз Стрелка бросила свои карты, надулась и выскочила из комнаты. У них явно стал портиться характер. Лена выступала в роли миротворца.

- По-моему, глупо ссориться, когда играешь в бридж, - говорила она. – В конце концов, это всего лишь игра.

У нее все было распрекрасно. За столом она ни в чем себе не отказывала, ела сытно, выпивала полбутылки шампанского. К тому же, она была удивительно везучей. Выигрывала постоянно. После каждой партии счет записывался в книгу, ее счет рос ото дня ко дню с завидным постоянством. Может, на свете нет справедливости? Они начали ненавидеть друг друга. И хотя они и ее возненавидели, они не могли устоять перед искушением делиться с ней своими обидами. Они приходили к ней поодиночке, и каждая жаловалась ей на своих мерзких подруг. Стрелка сказала, что она убеждена, что ей вредно видеть так часто женщин, которые много старше ее. Она готова была бросить все и уехать на оставшуюся часть лета в Венецию, пусть она и потеряет деньги, заплаченные за аренду. Фрэнк призналась Лене, что ей, в силу ее мужского склада ума, нет больше мочи терпеть распутную Стрелку и безнадежно тупую Беатрису.

- Мне нужно интеллектуальное общение, - грохотала она. – Людям с таким менталитетом, как мой, требуются собеседники их уровня.

Беатриса мечтала о тишине и покое.

- Я просто ненавижу женщин, - сказала она. – Они такие ненадежные, такие зловердные.

К концу двухнедельного пребывания Лены три полные дамы почти не разговаривали друг с другом. Они держали себя в руках в присутствии Лены, но когда ее не было рядом, не притворялись. Теперь они уже и не ссорились. Они просто не замечали друг друга, а когда обстоятельства

*- паштет из жирной печенки (франц.)

были выше их, обращались друг к другу с ледяной вежливостью.

Лена решила пожить с друзьями на итальянской Ривьере, и Фрэнк провожала ее на тот же поезд, на котором она приехала. Она увозила с собой кругленькую сумму их кровных денежек.

- Не знаю, как и благодарить тебя, - сказала она, садясь в вагон. – Я замечательно отдохнула с вами.

Фрэнк Хиксон гордилась не только тем, что могла найти общий язык с любым мужчиной, но и тем, что была истинная джентльвумен, то есть благородной дамой, а посему ее ответ был безукоризненным, сочетающим в себе аристократизм и изящество.

- Нам всем было очень приятно с тобой, Лена, - сказала она. – Мы получили огромное удовольствие.

Но когда она повернулась спиной к отходящему поезду, она так тяжело вздохнула, что под ней закачалась платформа. Она расправила свои могучие плечи и двинулась к вилле.

- Ух! – клокотала она время от времени. – Ух!

Она переделась в цельный купальник, надела матерчатые сандалии и мужской халат (она относилась к этому предмету туалета весьма серьезно) и отправилась на Эден-Рок. До ланча еще оставалось время и можно успеть принять ванну. Она вошла в Домик обезьян, оглядываясь по сторонам, чтобы поприветствовать знакомых, двинулась по залу. Она чувствовала себя в ладу со всем человечеством, но внезапно остановилась как вкопанная. Она не могла поверить своим глазам. За

столиком сидела Беатриса, одна, в пижаме, которую купила в Молино пару дней назад, с ниткой жемчуга на шее; цепкий взгляд Фрэнк сразу же уловил, что она только что сделала себе прическу, щеки и губы подкрасила, а глаза – подвела. Полная, даже необъятная дама, но кто станет отрицать, что она была удивительно привлекательной особой? Что это она делает? Своей привычной тяжелой походкой неандертальца Фрэнк двинулась к Беатрисе. В черном купальнике она смахивала на огромного кита, таких японцы ловят в Торресове проливе, и в народе их зовут морской коровой.

- Беатриса, что ты делаешь? – закричала она басом.

Казалось, где-то в горах прогремел гром. Беатриса подняла на нее отсутствующий взгляд.

- Ем, - ответила она.

- Черт побери, вижу, что ешь.

Перед Беатрисой стояла тарелка с круассанами и блюдце с маслом, горшочек с клубничным джемом, кофе и кувшинчик со сливками. Беатриса намазала толстый слой масла на изумительный, горячий хлеб, сверху положила джем, а вдобавок – взбитые сливки.

- Ты погубишь себя, - сказала Фрэнк.

- А мне плевать, - пробурчала Беатриса набитым ртом.

- Ты потолстеешь сразу на несколько фунтов.

- Иди к черту!

Она откровенно издевалась над Фрэнк. Господи, какой дивный запах шел от круассанов!

- Ты разочаровала меня, Беатриса. Я думала, у тебя сильнее характер.

- Сама виновата! Все из-за этой проклятой бабы! Почему ты ее не поставила на место? Мне пришлось целых две недели наблюдать, как она обжирается словно боров. Никакого терпения не хватит. Вот я и решила наестся до отвала, и пропади все пропадом.

Слезы застлали глаза Фрэнк. Внезапно она почувствовала себя такой слабой, беззащитной... Как бы ей хотелось, чтобы рядом оказался сильный мужчина, посадил бы ее к себе на колени, приласкал бы ее, убаюкал, назвал детскими именами. Потеряв дар речи, она опустилась на стул рядом с Беатрисой. Подошел

официант. Точно извиняясь, она показала ему на круассаны и кофе и попросила со вздохом:

- Принесите мне тоже.

Потом она робко протянула руку за булочкой, но Беатриса отдернула тарелку.

- Нет уж, - сказала она. – Подожди, пока тебе принесут.

Фрэнк обозвала ее таким словом, какое дамы весьма редко произносят, обращаясь к любимой подруге. В ту же минуту официант принес ей круассаны, масло, джем и кофе.

- А где же сливки, болван? – зарычала она, как загнанная львица.

И она принялась за еду. Она ела ненасытно, жадно. В павильон стекались отдыхающие, чтобы выпить пару порций коктейля после того, как выполнили свой долг – искупались и позагорали. Вскоре мимо подруг прошествовала Стрелка с князем Роккамаром. На ней был красивый шелковый шарф, который она туго обтянула вокруг себя, чтобы казаться стройной, и прижимала его к талии одной рукой. Она старалась держать голову как можно прямее, чтобы ее спутник не заметил второго подбородка. Она беззаботно смеялась. Она чувствовала себя девчонкой. Он только что сказал ей (на итальянском языке), что по сравнению с ее глазами Средиземное море напоминает гороховый суп. Он оставил ее, чтобы отлучиться в мужскую комнату, - привести в порядок свои шелковистые черные волосы; они договорились встретиться через пять минут и что-нибудь выпить. Стрелка направилась в дамскую комнату, чуть-чуть подрумяннить щеки и подкрасить губы. Но по дороге туда она увидела Фрэнк и Беатрису. Остановилась. Она не могла поверить своим глазам.

- Господи! – закричала она. - Скоты! Свиньи! – Она схватила стул. – Официант!

В ту же секунду она забыла о своем свидании. В мгновение ока официант подскочил к ней.

- Мне то же самое, что у этих дам, - распорядилась она.

Фрэнк подняла от тарелки свою массивную голову.

- А мне принесите *pate de fois gras*, - прогрохотала она.

- Фрэнк! – воскликнула Беатриса.

- Заткнись.

- Ну что ж. В таком случае я тоже его закажу.

Принесли кофе, горячие булочки, сливки и *pate de fois gras*, и они принялись за еду. Поглощали паштет, поливая его сливками, уплетали джем ложками. Алчно уничтожали изумительно вкусный хрустящий хлеб. Какое значение в те минуты имела для Стрелки любовь? Пусть себе князь живет в своем дворце в Риме и в замке на Апеннинах. Они не произносили ни слова. Они занимались сейчас слишком серьезным делом. Они ели в каком-то неистовом, торжественном исступлении.

- Я в рот не брала картошку уже двадцать пять лет, - сказала Фрэнк каким-то потусторонним, отрешенным голосом.

- Официант, - потребовала Беатриса, - принесите жареный картофель, три порции.

- *Tres bien, madame**.

Принесли картошку. Далеко не все ароматы Аравии пахнут так же заманчиво. Они ели руками.

- Принесите мне сухой мартини, - попросила Стрелка.

- Сухой мартини во время еды? - удивилась Фрэнк.

* - Слушаюсь, мадам (франц.)

- Ну и что такого? Сейчас увидишь.

- Что ж. В таком случае, мне двойную порцию сухого мартини.

- Три раза по двойной порции сухого мартини, - сказала Беатриса.

Заказ выполнили, мартини был выпит залпом. Дамы переглянулись и вздохнули. Завеса непонимания, мешающая им последние две недели, спала, и искренняя любовь, которую они испытывали друг к другу, снова заполнила их сердца. Они не могли поверить, что были способны допустить саму мысль о том, чтобы положить конец их дружбе, той самой дружбе, которая подарила им столько радостных мгновений. Они покончили с картошкой.

- Интересно, у них есть шоколадные эклеры? – спросила Беатриса.

- Конечно, есть.

Конечно, у них были эклеры. Фрэнк забросила в рот пирожное целиком, проглотила его и схватила другое, но перед этим взглянула на своих подруг и вонзила кинжал мести в сердце этой чудовищной Лены.

- Можете говорить, что хотите, но, не кривя душой, скажу: она бездарно играет в бридж. Поверьте мне.

- Отвратно, - согласилась Стрелка.

А Беатриса вдруг поняла, что ей хочется безэ.

Перевела Алла Николаевская

Осторожный дон Себастьян

(1898)

Хиормонез – самое недоступное место в Испании. Туда идет всего один поезд в сутки, причем он прибывает в два часа утра, оттуда отправляется тоже всего один

поезд в сутки, да и тот – за час до рассвета. Ни одной живой душе пока что не удалось выяснить, чем занимаются служащие вокзала остальные двадцать один час. Художник-немец, с которым я познакомился там, приехал на этом единственном поезде и в течение двух недель пытался не проспать время отправления, чтобы добраться назад, так вот он рассказал мне, что частенько наведывался на вокзал, хотел разгадать сию тайну, но так и не сумел; однако он наводил справки и склонен был предполагать – будучи человеком осторожным на более категоричные суждения он не отваживался, - что все свое свободное время они едят чеснок и курят отвратные сигареты. В путеводителях говорится, что главными достопримечательностями города являются брови Иосифа Аримафейского*, собор, редкий памятник архитектуры, и крепостная стена четырнадцатого века, сохранившаяся в целостности и сохранности по сей день. Путеводители настоятельно советуют вам побывать там, но рекомендуют захватить порошок Китинга от насекомых.

Я ехал в Мадрид экспрессом, поезд мчался со скоростью шестнадцать миль в час, но вдруг остановился. Я выглянул из окна и спросил, где мы.

- В Хиормонезе! – ответил мне проводник.
- А я думал, мы не делаем остановки в Хиормонезе.
- А мы и не делаем, - ответил он ровным голосом.
- Но мы же остановились!
- Наверно, сейчас тронемся.

Я убедился на своем опыте, что с испанскими проводниками спорить бессмысленно и, втянув назад голову, сел, но, взглянув на часы, обнаружил,

Что еще только десять часов. Никогда в жизни мне не представится увидеть Брови Иосифа Аримафейского, если конечно я не закажу специальный поезд, Па потому, схватив фортуна за хвост, а сумку – за ремень, я выскочил из вагона.

*Иосиф Аримафейский так был назван по происхождению из г. Аримафеи, или Рамы, находившегося недалеко от Иерусалима. При распятии Господа Иосиф просил тело Иисусово у Пилата, и с его помощью жены мироносицы, служившие Господу при жизни, погребли тело Его в новом гробе, высеченном в скале, приготовленном для самого Иосифа.

Единственный носильщик, которого мне удалось найти, сказал, что в такой час в Хиормонезе все спят, и посоветовал провести ночь в зале ожидания, но я не поспешил на чаевые, дал ему две песеты, то есть почти пятнадцать пенсов; и, бросив поезд на произвол судьбы, он взвалил мою сумку на плечо и двинулся в путь.

Мы шли по каменистой дороге навстречу кромешной тьме, ветер становился все холоднее и резче, по небу мчались, догоняя друг друга, тучи. Я ничего не видел перед собой, кроме поспешающего носильщика, согнувшегося под грузом моей сумки; ветер стал просто ледяным. Я застегнул пальто. И тут я пожалел, что оставил свой вагон, уютное местечко, плед, пожалел, что прервал мирное путешествие в Мадрид - я был уже готов повернуть назад, когда услышал свисток поезда. Я остановился в нерешительности, но носильщик мчался на всех парах, и, испугавшись, что потеряю его в ночи, я побежал вперед. Мотор запыхтел, сквозь дымку вспыхнуло отражение пламени в топке, и поезд покатил; я, словно Абдер-Рахман*, понял, что бросил свои ножны в костер.

Носильщик, согнувшись под тяжестью моей сумки, не сбавлял скорости, а я по-прежнему не видел ни огонька, который указал бы на приближение города. По обе стороны дороги росли деревья, а за ними – темень. И большие, свинцовые облака торопились друг за другом. Но вот мы приблизились к большому, высеченному из камня, распятию, у его изножия я увидел женщину с воздетыми к небу руками. А ветер становился все резче и холоднее, пронизывая насквозь. О чем же молила она Господа, коли могла осмелиться просить об этом в одиночестве, стоя на коленях, в ночи? Мы прошли мимо другого распятия с распростертыми, словно крылья мятущейся души, перекладинами. В конце концов, глаза моя застила кромешная тьма – передо мной возвышалась высокая каменная арка. Миновав ее, я очутился в городе.

Улочка была кривой и узкой, вымощенной грубым булыжником, она круто шла вверх, так что мой носильщик согнулся еще ниже под тяжестью своей ноши и стал задыхаться. Сумка за спиной сделала его похожим на гнома-горбуна, существо из какого-то кошмара. По обе стороны улицы стояли высокие дома, како-то неправильной, кривой формы, их крыши будто тянулись друг к другу, так что даже облаков между ними не было видно; огромные черные окна-отверстия напоминали

гигантские рты. Кругом не было ни огонька, ни живой души, не слышно ни звука – лишь стук моих башмаков и тяжелое дыхание носильщика. Мы шли по улицам, заворачивали за угол, проходили под низкими арками, поднимались вверх по мостовой, вымощенной грубым булыжником, и внезапно очутились у лестницы и пошли вниз по стертým ступеням. Мне было трудно ступать, я спотыкался, едва удерживаясь на ногах, но гном проворно бежали вперед, сбавляя скорости. Потом мы вышли на открытое пространство, ветер набросился на нас снова, пробираясь под одежду. Я задрожал и съежился. И по-прежнему – ни единой души, словно мы попали в город мертвых. Потом мы прошли мимо собора. Я увидел резное крыльцо, с его перекоордин нам вслед ухмылялись мрачные дьяволы; носильщик нырнул под арку, а я осторожно двинулся по узкому проходу. В конце его он остановился и со вздохом облегчения бросил сумку на землю. Он принялся бить кулаками по железной двери, отчего металл зазвенел. Окно наверху открылось кто-то из него закричал. Носильщик крикнул в ответ, по ступеням застучали каблуки, отперли замок, и дверь робко отворилась – я увидел женщину, освещенную пламенем свечи, которую она держала в руках; свеча отбрасывала странный, желтый отблеск на ее лицо.

Итак, я добрался до гостиницы в Хиормонезе.

2

Ночью меня мучил своими воплями сторож: «Спаси и сохрани, Царица Небесная, Дева Мария!» Каждый час, как только смолкал звон церковных колоколов, раздавался скрипучий бой часов, а я вспоминал о женщине, преклонившей свои колена у распятия, и думал, нашла ли ее больная душа умиротворение?

Утром я распахнул окна, и солнце, пританцовывая, ворвалось в комнату, заливая все золотым сиянием. Передо мной возвышалась величественная, мрачная, серая стена собора, а горгульи свирепо взирали через площадь... Собор великолепен, как только вы входите в него, вы тотчас попадаете в темноту, пропитанную ладаном, но по мере того, как ваши глаза привыкают к мраку, вы начинаете различать очертания кающихся грешников, стоящих на коленях у колонн и глядящих на алтарь, а в свете, просачивающемся сквозь витражи окон, – резной экран, на котором художник изобразил изможденных святых в тусклом свечении нимбов.

Но истинная жемчужина собора Хиормонеза – часовня графа Лосасского, в которой находится гипсовый памятник дону Себастьяну Эмануэлю де Монтана, графу Лосасскому, и великолепной сеньоре донне Содине де Берругет, его супруге. Как и все в Испании, часовня постоянно заперта; в путеводителе вам рекомендуют найти привратника дворца, в котором обитает ныне здравствующий граф. Я послал служку за этой важной персоной, тот скоро вернулся и сообщил мне, что привратник с женой уехали в деревню на целый день, но сейчас придет сам граф.

И в ту же секунду я увидел маленького смуглого человечка, укутанного в огромный сара* на красной с синим бархатной подкладке, который ниспадал роскошными складками с его плеча. Приблизившись, он галантно раскланялся, и я отметил, что на макушке растительность у него, мягко говоря, растет не густо. Я пришел в некоторую растерянность, в путеводителе было написано, что привратнику следует заплатить песету за то, что он отопрет часовню, – но вряд ли пристало, подумал я, вручать графу семь пенсов и пол пенни. А граф весьма быстро положил конец моим сомнениям, ибо, открыв двери, он обратился ко мне со словами:

- Плата – один франк.

Я протянул ему франк, он живо положил его в карман и с мрачным видом вручил мне отпечатанную на небольшом листке бумаги расписку. Бедкер услужливо сообщал также, что род графов Лосасских потерял былую славу, но я и представить себе не мог, что нынешний представитель этого рода пополняет свой бюджет демонстрацией останков своих предков – за один франк с человека...

Мы вошли внутрь, и граф, указав на крестовый свод крыши и свод окон, сказал:

- Эта часовня – одна из редчайших памятников готики, сохранившихся в Испании.

Когда он счел, что я уже в полной мере насладился архитектурным шедевром, он повернулся к картинам на стенах и с беглостью

*широкая плащ-накидка, непременный атрибут национальной одежды

профессионального гида объяснил мне их сюжеты и сказал, кто их создатель.

- А теперь мы пройдем к усыпальнице донна Себастьяна, первого графа Лосасского, и его супруги, донны Содины, которая, между прочим, не была первой графиней.

Усыпальница стояла посередине часовни, гроб был покрыт огромным покрывалом алого бархата, а потому никто из туристов, норовивших сэкономить песету, ничего не

смог бы разглядеть через решетку на воротах. Граф снял покрывало и стал молча наблюдать за мной, с едва заметной улыбкой, прятанной под маленькими черными усиками.

Граф и его жена, которая не была графиней, лежали рядом на постаменте из резного гипса, по краям возвышались четыре витые стойки опоры с резными маленькими листьями и цветами, а между ними – барельефы Любви, Юности, Могущества и Удовольствия, словно, даже в присутствии смерти можно забыть о смерти. Дон Себастьян был в доспехах. На его шлеме была запечатлена сцена битвы кентавров с лапифами*, на правом надплечнике были изображены похождения Венеры и Марса, на левой – извержение Вулкана, а на груди – старательно выполненная сцена Распятия с солдатами, женами и апостолами. Забрало было поднято, и на обозрение зрителя было представлено жесткое, тяжелое лицо с выразительными скулами, чувственными губами и массивным подбородком.

- Великолепно, - сказал я, полагая, что граф ждет от меня какого-то комментария.

- Люди придерживались этого мнения на протяжении трех сотен лет, - ответил он мрачно. – Путеводители сообщают, что у донна Себастьяна самые красивые руки в Испании. Туристы любят сухожилиями и венами, которые, как сами можете убедиться, вылеплены на удивление выразительно, у простого человека такого не увидишь. Специалисты единодушны в том, что это вершина искусства.

И он провел меня на противоположную сторону, чтобы я мог лучше разглядеть донну Содину.

- Говорят, она была самой красивой женщиной своего времени, - сказал он, - и в таком случае леди Кастилии – единственная реликвия Испании, не подвластная времени.

На самом деле, она вовсе не была красивой, – лицо было полным и широким, как у ее супруга; короткий, неаристократичный нос, маленький, бугристый подбородок, толстая шея, глубоко посаженная в мраморные плечи. Невозможно было не заметить, что художник обошелся с ней весьма сурово.

Граф Лосасский вынудил меня взглянуть на собачку, лежащую у нее в ногах.

- Это символ преданности, - сказал он.

- В путеводителе сказано, что донна была скромна и преданна.

- Если бы было так на самом деле, - ответил он с улыбкой, - дон Себастьян вряд ли стал бы графом Лосасским.

- В самом деле?

* - Кентавры сражались со своими соседями лапифами, пытаясь похитить у них жен из этого племени. После того, как кентавров победил Геракл, они были изгнаны из Фессалии и расселились по всей Греции.

- Это старая история, которую я обнаружил в семейных бумагах.

Я наострил уши и стал исподволь расспрашивать его.

- Вы интересуетесь старыми манускриптами? – поинтересовался граф. – Пойдемте со мной, я покажу вам свой архив.

Взмахом руки он предложил мне следовать за ним и, тщательно заперев двери, повел к себе во дворец. Он ввел меня в готический зал, в котором стояла старая, плохо сохранившаяся французская мебель, а стены были оклеены дешевыми обоями. Протянул мне сигареты, открыл шкаф и извлек оттуда выцветший лист бумаги.

- Вот документ, о котором идет речь, - сказал он. – Тут такие кривые, фантастические буквы, что я иногда думаю, как сам писец разобрал свой почерк!?

- Вы счастливый обладатель подлинного сокровища! – воскликнул я.

Он пожал плечами.

- А что от него толку? Я предпочел бы иметь пятьдесят песет, чем этот заплесневевший пергамент.

Да никак мне предлагают сделку? Я живо перевел названную сумму в английские деньги. Без сомнения, он согласился бы и на меньшее, но мне было неловко торговаться с ним из-за его фамильных секретов...

- Вы действительно готовы уступить их? Не позволите ли вы – мне - ...

Он подскочил ко мне.

- Возьмите, друг мой, возьмите. Дать вам расписку?

И вот за тридцать один шиллинг и три пенса я стал счастливым обладателем единственной, подлинной хроники того, как слабость великолепной сеньоры донны

Содины косвенным путем помогла ее супругу стать одним из самых знатных людей Испании.

3

Дон Себастьян и его супруга прожили пятнадцать лет в мире и согласии – на радость себе и соседям. Люди говорили, что подобного примера супружеской верности в те годы упадка нравов им доводилось наблюдать не часто, потому что уже тогда многие вспоминали золотые времена их дедов, сокрушаясь, что народ совсем забыл о приличиях... Наша счастливая пара, будучи добропорядочными кастильцами, принадлежащими к древнему роду благородных идалго, вела себя в высшей степени достойно и степенно. Ни один посторонний не смел увидеть, как дон и донна обмениваются ласками, или услышать их слова любви, но все могли наблюдать, как предан дон Себастьян своей избраннице, как светятся обожанием его глаза, когда он смотрит на нее. И все говорили, что донна Содина достойна его чувств. Еще они говорили, что она очень добродетельна, но еще более набожна – ее набожность была известна всем, ибо она ежедневно приходила в храм Хиормонеза и подолгу там молилась. Она не скупилась на подаяния, не отказывая ни одному нищему.

Но даже если бы дон Себастьян и его супруга не обладали такими добродетелями, они все равно были бы уважаемыми и знатными персонами города, поскольку принадлежали к древнему благородному роду, к тому же богатому, а самая главная причина состояла в том, что брат дон Себастьяна был архиепископом их епархии, и, приезжая в свой кафедральный город, коим был Хиормонез, он был чрезвычайно любезен с доном Себастьяном и донной Содиной. Поговаривали, что архиепископ Пабло скоро станет кардиналом, ибо пользовался особым расположением короля, а с последним Его Святейшеством Папой был в необычайно дружеских отношениях.

А поскольку в те дни священство более славилось галантными манерами, нежели добрыми делами, люди радовались тому, что столь высокое духовное лицо, прелат, являет собой пример христинской добродетели, который, несмотря на то, что жил на широкую ногу, в многочисленной свиты, владел дварцами, был известен тем, что, по меньшей мере, два из семи смертных греха не были ему свойственны и

напоминал своей аскетичностью апостолов, что по убеждению простых людей, наилучшим образом характеризовало посланника Господа.

Осторожный дон Себастьян

(1898)

Хиормонез – самое недоступное место в Испании. Туда идет всего один поезд в сутки, причем он прибывает в два часа утра, оттуда отправляется тоже всего один поезд в сутки, да и тот – за час до рассвета. Ни одной живой душе пока что не удалось выяснить, чем занимаются служащие вокзала остальные двадцать один час. Художник-немец, с которым я познакомился там, приехал на этом единственном поезде и в течение двух недель пытался не проспать время отправления, чтобы добраться назад, так вот он рассказал мне, что частенько наведывался на вокзал, хотел разгадать сию тайну, но так и не сумел; однако он наводил справки и склонен был предполагать – будучи человеком осторожным на более категоричные суждения он не отваживался, - что все свое свободное время они едят чеснок и курят отвратные сигареты. В путеводителях говорится, что главными достопримечательностями города являются брови Иосифа Аримафейского*, собор, редкий памятник архитектуры, и крепостная стена четырнадцатого века, сохранившаяся в целостности и сохранности по сей день. Путеводители настоятельно советуют вам побывать там, но рекомендуют захватить порошок Китинга от насекомых.

Я ехал в Мадрид экспрессом, поезд мчался со скоростью шестнадцать миль в час, но вдруг остановился. Я выглянул из окна и спросил, где мы.

- В Хиормонезе! – ответил мне проводник.
- А я думал, мы не делаем остановки в Хиормонезе.
- А мы и не делаем, - ответил он ровным голосом.

- Но мы же остановились!
- Наверно, сейчас тронемся.

Я убедился на своем опыте, что с испанскими проводниками спорить бессмысленно и, втянув назад голову, сел, но, взглянув на часы, обнаружил, что еще только десять часов. Никогда в жизни мне не представится увидеть Брови Иосифа Аримафейского, если конечно я не закажу специальный поезд, Па потому, схватив фортуна за хвост, а сумку – за ремень, я выскочил из вагона.

*Иосиф Аримафейский так был назван по происхождению из г. Аримафеи, или Рамы, находившегося недалеко от Иерусалима. При распятии Господа Иосиф просил тело Иисусово у Пилата, и с его помощью жены мироносицы, служившие Господу при жизни, погребли тело Его в новом гробе, высеченном в скале, приготовленном для самого Иосифа.

Единственный носильщик, которого мне удалось найти, сказал, что в такой час в Хиормонезе все спят, и посоветовал провести ночь в зале ожидания, но я не поспешил на чаевые, дал ему две песеты, то есть почти пятнадцать пенсов; и, бросив поезд на произвол судьбы, он взвалил мою сумку на плечо и двинулся в путь.

Мы шли по каменистой дороге навстречу кромешной тьме, ветер становился все холоднее и резче, по небу мчались, догоняя друг друга, тучи. Я ничего не видел перед собой, кроме поспевающего носильщика, согнувшегося под грузом моей сумки; ветер стал просто ледяным. Я застегнул пальто. И тут я пожалел, что оставил свой вагон, уютное местечко, плед, пожалел, что прервал мирное путешествие в Мадрид - я был уже готов повернуть назад, когда услышал свисток поезда. Я остановился в нерешительности, но носильщик мчался на всех парах, и, испугавшись, что потеряю его в ночи, я побежал вперед. Мотор запыхтел, сквозь дымку вспыхнуло отражение пламени в топке, и поезд покатило; я, словно Абдер-Рахман*, понял, что бросил свои ножны в костер.

Носильщик, согнувшись под тяжестью моей сумки, не сбавлял скорости, а я по-прежнему не видел ни огонька, который указал бы на приближение города. По обе стороны дороги росли деревья, а за ними – темень. И большие, свинцовые облака

торопились друг за другом. Но вот мы приблизились к большому, высеченному из камня, распятию, у его изножия я увидел женщину с воздетыми к небу руками. А ветер становился все резче и холоднее, пронизывая насквозь. О чем же молила она Господа, коли могла осмелиться просить об этом в одиночестве, стоя на коленях, в ночи? Мы прошли мимо другого распятия с распростертыми, словно крылья мятущейся души, перекладинами. В конце концов, глаза моя застила крошечная тьма – передо мной возвышалась высокая каменная арка. Миновав ее, я очутился в городе.

Улочка была кривой и узкой, вымощенной грубым булыжником, она круто шла вверх, так что мой носильщик согнулся еще ниже под тяжестью своей ноши и стал задыхаться. Сумка за спиной сделала его похожим на гнома-горбуна, существо из какого-то кошмара. По обе стороны улицы стояли высокие дома, како-то неправильной, кривой формы, их крыши будто тянулись друг к другу, так что даже облаков между ними не было видно; огромные черные окна-отверстия напоминали гигантские рты. Кругом не было ни огонька, ни живой души, не слышно ни звука – лишь стук моих башмаков и тяжелое дыхание носильщика. Мы шли по улицам, заворачивали за угол, проходили под низкими арками, поднимались вверх по мостовой, вымощенной грубым булыжником, и внезапно очутились у лестницы и пошли вниз по стертým ступеням. Мне было трудно ступать, я спотыкался, едва удерживаясь на ногах, но гном проворно бежали вперед, сбавляя скорости. Потом мы вышли на открытое пространство, ветер набросился на нас снова, пробираясь под одежду. Я задрожал и съежился. И по-прежнему – ни единой души, словно мы попали в город мертвых. Потом мы прошли мимо собора. Я увидел резное крыльцо, с его перекадин нам вслед ухмылялись мрачные дьяволы; носильщик нырнул под арку, а я осторожно двинулся по узкому проходу. В конце его он остановился и со вздохом облегчения бросил сумку на землю. Он принялся бить кулаками по железной двери, отчего металл зазвенел. Окно наверху открылось кто-то из него закричал. Носильщик крикнул в ответ, по ступеням застучали каблуки, отперли замок, и дверь робко отворилась – я увидел женщину, освещенную пламенем свечи, которую она держала в руках; свеча отбрасывала странный, желтый отблеск на ее лицо.

Итак, я добрался до гостиницы в Хиормонезе.

Ночью меня мучил своими воплями сторож: «Спаси и сохрани, Царица Небесная, Дева Мария!» Каждый час, как только смолкал звон церковных колоколов, раздавался скрипучий бой часов, а я вспоминал о женщине, преклонившей свои колена у распятия, и думал, нашла ли ее больная душа умиротворение?

Утром я распахнул окна, и солнце, пританцовывая, ворвалось в комнату, заливая все золотым сиянием. Передо мной возвышалась величественная, мрачная, серая стена собора, а горгульи свирепо взирали через площадь... Собор великолепен, как только вы входите в него, вы тотчас попадаете в темноту, пропитанную ладаном, но по мере того, как ваши глаза привыкают к мраку, вы начинаете различать очертания кающихся грешников, стоящих на коленях у колонн и глядящих на алтарь, а в свете, просачивающемся сквозь витражи окон, - резной экран, на котором художник изобразил изможденных святых в тусклом свечении нимбов.

Но истинная жемчужина собора Хиормонеза – часовня графа Лосасского, в которой находится гипсовый памятник дону Себастьяну Эмануэлю де Монтана, графу Лосасскому, и великолепной сеньоре донне Содине де Берругет, его супруге. Как и все в Испании, часовня постоянно заперта; в путеводителе вам рекомендуют найти привратника дворца, в котором обитает ныне здравствующий граф. Я послал службу за этой важной персоной, тот скоро вернулся и сообщил мне, что привратник с женой уехали в деревню на целый день, но сейчас придет сам граф.

И в ту же секунду я увидел маленького смуглого человечка, укутанного в огромный сара* на красной с синим бархатной подкладке, который ниспадал роскошными складками с его плеча. Приблизившись, он галантно раскланялся, и я отметил, что на макушке растительность у него, мягко говоря, растет не густо. Я пришел в некоторую растерянность, в путеводителе было написано, что привратнику следует заплатить песету за то, что он отопрет часовню, – но вряд ли пристало, подумал я, вручать графу семь пенсов и пол пенни. А граф весьма быстро положил конец моим сомнениям, ибо, открыв двери, он обратился ко мне со словами:

- Плата – один франк.

Я протянул ему франк, он живо положил его в карман и с мрачным видом вручил мне отпечатанную на небольшом листке бумаги расписку. Бедкер услужливо сообщал также, что род графов Лосасских потерял былую славу, но я и представить

себе не мог, что нынешний представитель этого рода пополняет свой бюджет демонстрацией останков своих предков – за один франк с человека...

Мы вошли внутрь, и граф, указав на крестовый свод крыши и свод окон, сказал:

- Эта часовня – одна из редчайших памятников готики, сохранившихся в Испании.

Когда он счел, что я уже в полной мере насладился архитектурным шедевром, он повернулся к картинам на стенах и с беглостью

*широкая плащ-накидка, непременный атрибут национальной одежды

профессионального гида объяснил мне их сюжеты и сказал, кто их создатель.

- А теперь мы пройдем к усыпальнице дона Себастьяна, первого графа Лосасского, и его супруги, донны Содины, которая, между прочим, не была первой графиней.

Усыпальница стояла посередине часовни, гроб был покрыт огромным покрывалом алого бархата, а потому никто из туристов, норовивших сэкономить песету, ничего не смог бы разглядеть через решетку на воротах. Граф снял покрывало и стал молча наблюдать за мной, с едва заметной улыбкой, прятанной под маленькими черными усиками.

Граф и его жена, которая не была графиней, лежали рядом на постаменте из резного гипса, по краям возвышались четыре витые стойки опоры с резными маленькими листьями и цветами, а между ними – барельефы Любви, Юности, Могущества и Удовольствия, словно, даже в присутствии смерти можно забыть о смерти. Дон Себастьян был в доспехах. На его шлеме была запечатлена сцена битвы кентавров с лапифами*, на правом надплечнике были изображены похождения Венеры и Марса, на левой – извержение Вулкана, а на груди – старательно выполненная сцена Распятия с солдатами, женами и апостолами. Забрало было поднято, и на обозрение зрителя было представлено жесткое, тяжелое лицо с выразительными скулами, чувственными губами и массивным подбородком.

- Великолепно, - сказал я, полагая, что граф ждет от меня какого-то комментария.

- Люди придерживались этого мнения на протяжении трех сотен лет, - ответил он мрачно. – Путеводители сообщают, что у дона Себастьяна самые красивые руки в Испании. Туристы любят сухожилиями и венами, которые, как сами можете

убедиться, вылеплены на удивление выразительно, у простого человека такого не увидишь. Специалисты единодушны в том, что это вершина искусства.

И он провел меня на противоположную сторону, чтобы я мог лучше разглядеть донну Содину.

- Говорят, она была самой красивой женщиной своего времени, - сказал он, - и в таком случае леди Кастилии – единственная реликвия Испании, не подвластная времени.

На самом деле, она вовсе не была красивой, – лицо было полным и широким, как у ее супруга; короткий, неаристократичный нос, маленький, бугристый подбородок, толстая шея, глубоко посаженная в мраморные плечи. Невозможно было не заметить, что художник обошелся с ней весьма сурово.

Граф Лосасский вынудил меня взглянуть на собачку, лежащую у нее в ногах.

- Это символ преданности, - сказал он.

- В путеводителе сказано, что донна была скромна и преданна.

- Если бы было так на самом деле, - ответил он с улыбкой, - дон Себастьян вряд ли стал бы графом Лосасским.

- В самом деле?

* - Кентавры сражались со своими соседями лапифами, пытаясь похитить у них жен из этого племени. После того, как кентавров победил Геракл, они были изгнаны из Фессалии и расселились по всей Греции.

- Это старая история, которую я обнаружил в семейных бумагах.

Я навострил уши и стал исподволь расспрашивать его.

- Вы интересуетесь старыми манускриптами? – поинтересовался граф. – Пойдемте со мной, я покажу вам свой архив.

Взмахом руки он предложил мне следовать за ним и, тщательно заперев двери, повел к себе во дворец. Он ввел меня в готический зал, в котором стояла старая, плохо сохранившаяся французская мебель, а стены были оклеены дешевыми обоями. Протянул мне сигареты, открыл шкаф и извлек оттуда выцветший лист бумаги.

- Вот документ, о котором идет речь, - сказал он. – Тут такие кривые, фантастические буквы, что я иногда думаю, как сам писец разобрал свой почерк!?

- Вы счастливый обладатель подлинного сокровища! – воскликнул я.

Он пожал плечами.

- А что от него толку? Я предпочел бы иметь пятьдесят песет, чем этот заплесневевший пергамент.

Да никак мне предлагают сделку? Я живо перевел названную сумму в английские деньги. Без сомнения, он согласился бы и на меньшее, но мне было неловко торговаться с ним из-за его фамильных секретов...

- Вы действительно готовы уступить их? Не позволите ли вы – мне - ...

Он подскочил ко мне.

- Возьмите, друг мой, возьмите. Дать вам расписку?

И вот за тридцать один шиллинг и три пенса я стал счастливым обладателем единственной, подлинной хроники того, как слабость великолепной сеньоры донны Содины косвенным путем помогла ее супругу стать одним из самых знатных людей Испании.

3

Дон Себастьян и его супруга прожили пятнадцать лет в мире и согласии – на радость себе и соседям. Люди говорили, что подобного примера супружеской верности в те годы упадка нравов им доводилось наблюдать не часто, потому что уже тогда многие вспоминали золотые времена их дедов, сокрушаясь, что народ совсем забыл о приличиях... Наша счастливая пара, будучи добропорядочными кастильцами, принадлежащими к древнему роду благородных идалго, вела себя в высшей степени достойно и степенно. Ни один посторонний не смел увидеть, как дон и донна обмениваются ласками, или услышать их слова любви, но все могли наблюдать, как предан дон Себастьян своей избраннице, как светятся обожанием его глаза, когда он смотрит на нее. И все говорили, что донна Содина достойна его чувств. Еще они говорили, что она очень добродетельна, но еще более набожна – ее набожность была известна всем, ибо она ежедневно приходила в храм Хиормонеза и

подолгу там молилась. Она не скупилась на подаяния, не отказывая ни одному нищему.

Но даже если бы дон Себастьян и его супруга не обладали такими добродетелями, они все равно были бы уважаемыми и знатными персонами города, поскольку принадлежали к древнему благородному роду, к тому же богатому, а самая главная причина состояла в том, что брат дон Себастьяна был архиепископом их епархии, и, приезжая в свой кафедральный город, коим был Хиормонез, он был чрезвычайно любезен с доном Себастьяном и донной Содиной. Поговаривали, что архиепископ Пабло скоро станет кардиналом, ибо пользовался особым расположением короля, а с последним Его Святейшеством Папой был в необычайно дружеских отношениях.

А поскольку в те дни священство более славилось галантными манерами, нежели добрыми делами, люди радовались тому, что столь высокое духовное лицо, прелат, являет собой пример христинской добродетели, который, несмотря на то, что жил на широкую ногу, в многочисленной свиты, владел дварцами, был известен тем, что, по меньшей мере, два из семи смертных греха не были ему свойственны и напоминал своей аскетичностью апостолов, что по убеждению простых людей, наилучшим образом характеризовало посланника Господа.

ФЛИРТ

(1906)

К сорока годам Берти Шентон оставался все еще молодежавым мужчиной и льстил себе, что, когда свет падает на него сзади, он вполне может сойти за двадцатипятилетнего; чисто выбритый и хорошо сложенный, с острым взглядом и улыбающимся ртом – ничто не выдавало его возраст.

Он чувствовал себя моложе, чем когда-либо, и смотрел без зависти на двадцатилетних юнцов, которые выглядели значительно старше его; он не видел причин, почему ему надо сдаваться приближающимся годам: его доходы были вполне приличными, желания – осуществимыми, а пищеварение отменным.

Он поддерживал знакомство с очень многими, располагая их своим умением бесечно вести беседу и добродушием; он относился к тому сорту мужчин, к которым каждый уже после получасового знакомства обращался на «ты», у него было множество близких друзей, которых он мог не узнать при встрече.

Он ехал на званый вечер к леди Мерестон и, как обычно, находился в превосходном расположении духа - мир ему представлялся великолепным, ночь - теплой, дом, в который он направлялся, - замечательным, а женщины, которых он встретит там, - конечно же, душками. Он с улыбкой приветствовал миниатюрную даму, которая вышла из экипажа как раз перед ним, и, сняв шляпу и пальто, дождался ее на лестнице.

- Я истомился в ожидании вас, миссис Парнаби, - воскликнул он, когда она появилась.

Со сдержанным восхищением он отметил ее красивое платье и подумал, что миловидная вдова, как никогда, хороша. Она бросила на него быстрый взгляд.

- Ну, так говорите же, - сказала она повелительно.

- Что?

- Compliment, который вертится на кончике вашего языка.

Он засмеялся и спросил ее, не согласится ли она составить ему компанию.

- Соглашусь, - ответила она, - давайте присядем. Я очень устала. Я только что от Леманов. Отойдем куда-нибудь, где можно доверительно побеседовать.

- Вы хотите со мной пофлиртовать? – засмеялся он, пока они шли к оранжерее. – У женщин именно это на уме, когда они просят вас поговорить с ними доверительно.

Она невозмутимо посмотрела на него.

– Единственная причина, по которой вы мне нравитесь, Берти, так это то, что вы не влюблены в меня. Очень утомительно быть вдовой, которой все добиваются. Мужчины такие зануды; не могу понять, почему они норовят жениться и все окончательно испортить.

- У вас весьма странные представления о моем поле.

- Ничуть. Просто для вас должно быть очевидным, что мужчина – несовершенное создание. Он так слаб. Он не умеет хитрить. Когда существо мужского пола видит кирпичную стену, ему никогда не придет в голову, что за ней что-то есть.

- Вы имеете в виду, что он обладает определенными твердыми представлениями о честности и порядочности?

- Бедняга, он обязан быть порядочным и честным, коли он не умеет врать, – возразила миссис Парнаби, пожав изящными плечиками. – Знаете, я мечтаю найти мужчину, которым бы я не могла вертеть вокруг своего мизинца.

Берти Шендон поднялся и почтительно поклонился.

– Мадам, ваш покорнейший слуга.

- Мой дорогой Берти! Я могу заставить вас делать все, что мне захочется, – засмеялась она. – Могу заставить вас сделать мне предложение в течение пяти минут.

- Милая моя, меня пытались заставить сделать это слишком часто. Я тешу себя мыслью, что меня нелегко поймать на крючок.

- Я не выношу мужчин, которые уверены, что в него влюблены все женщины.

- Господь с вами, я вовсе не уверен в этом. Я считаю только, что очень многие норовят выйти за меня замуж. Как-никак мы вращаемся в таком кругу, где замужество – единственно приличный способ существования для порядочной девушки. Каким бы старым, уродливым и отталкивающим мужчиной ни был, он найдет массу очаровательных девушек, которые пожелают разделить с ним жизнь в особняке на Портман-сквер и приличный доход.

- Но, мой дорогой Берти, если женщина и вправду вобьет себе в голову, что она хочет выйти замуж за какого-то мужчину, ничто на свете не спасет его.

- Не говорите так, – вскричал он, – вы вселяете в меня ужас!

Она взглянула на него на секунду и улыбнулась.

– Вам не стоит волноваться, потому что вам я откажу.

- Спасибо, – ответил он, – это похоже на пари, но я не думаю, что стану рисковать предложением руки и сердца.

- Непременно станете. Абсолютно в этом уверена. Даю вам две недели.

Встряхнув головой, он засмеялся.

– Я совсем не страшусь этого.

- Мой дорогой, ваше спасение – в немедленном побеге. Вы обречены. Я приняла решение - вы сделаете мне предложение.

- Спорю на пару перчаток, что я этого не сделаю.

- Отлично.

Миссис Парнаби кивнула молодому человеку, который проходил мимо них, и он тут же подошел к ним.

- Я охотился за вами повсюду, – сказал он. – Надеюсь, что мне представится возможность поговорить с вами.

- В этом вся прелесть большого скопления народа, - ответила она. – Толпа дает столько возможностей для тет-а-тет.

Миссис Парнаби обратила эти слова к Берти Шентону, в глазах ее светилась насмешка, а рот искривила злая улыбка, так что он не мог не понять намека.

- Разрешите мне оставить вас, – сказал он. Как ни странно, у него тотчас испортилось настроение.

- Запомните, перчатки шестого размера, – бросила она ему вслед.

- Полагаю, другим эта информация будет более полезна, – резко ответил он, взглянув с некоторой досадой на незваного гостя.

Миссис Парнаби засмеялась. Она очень хорошо знала, что Берти Шентон был предан ей, но их отношения были такими приятными, что ей и в голову не приходило до этого момента изменить их. Он никогда не выказывал ни малейшего желания жениться на ней, и они оба слишком дорожили своей свободой, чтобы отказаться от нее. Но безрассудное пари, которое было заключено под влиянием момента, заставило ее призадуматься, и она посмеивалась про себя при мысли о том, что непременно выиграет его.

Она живо продумала план операции и остаток вечера упорно избегала Берти, всякий раз, когда его взгляд останавливался на ней, делала вид, что целиком поглощена беседой со своим спутником. Дюжина молодых мужчин нашли, что она была, как никогда, привлекательна, и каждый пришел к заключению, что именно он произвел на нее определенное впечатление; честолюбие не позволяло им понять, что она пустила в ход свои чары, чтобы досадить джентльмену сорока лет, с раздражением следившему за ней из другого конца комнаты. Эта тактика несомненно возымела действие, ибо Берти нанес ей визит на следующий же день, но она отсутствовала. Она распорядилась не впускать его; и, когда он пришел в следующий раз, то смог лишь насладиться ее игрой на пианино; он в третий раз нанес ей визит, но увидел, как она невозмутимо следит за ним из окна. Он холодно улыбнулся и, чуть пожав плечами в знак того, что проиграл, отправился к модистке за перчатками.

Через неделю он встретил ее во время званого завтрака, он был в весьма мрачном расположении духа, а она, напротив, приветствовала его с нарочитым оживлением, но во время еды, хотя они и сидели вместе, она беседовала исключительно со своим другим соседом, причем в манере, которая Берти Шентону была крайне неприятна. Когда она попрощалась с хозяйкой, он тоже поднялся.

- Позвольте отвезти вас домой? – спросил он.

- Я не собираюсь домой. Но если хотите, можете отвезти меня на Керзон-стрит, у меня назначена там в четыре часа встреча.

- Прекрасно.

Они вышли, сели в кэб, и Берти совершенно невозмутимо велел извозчику ехать в Хаммерсмит.

- Что вы делаете? – вскричала она.

- Мне нужно с вами поговорить.

- Очень мило с вашей стороны, – ответила она, – но в таком случае я не попаду на встречу.

- Меня это абсолютно не волнует. – Он замолчал, улыбнулся и достал из кармана перчатки, которые купил. – Они шестого размера. Если вы намерены вести себя со мной так строптиво до тех пор, пока я не женюсь на вас, – полагаю, я вынужден на вас жениться.

- Это предложение? – весело спросила она.
 - Назовите день, миссис Парнаби, и барашек будет готов к бойне.
 - Нет, так не пойдет. Я хочу, чтобы вы сделали все в надлежащей форме. Сначала преклоните колени.
 - Но я физически не могу этого сделать в кэбе.
 - В таком случае скажите, что вы абсолютно не достойны меня.
 - У женщин такая страсть к банальностям, – вздохнул он, – кроме того, я вовсе не считаю себя недостойным вас. В конечном счете, надо сказать всего лишь пять слов: «Вы выйдете за меня замуж»?
- Она надела перчатки, которые он дал ей, и протянула ему руку, чтобы он застегнул пуговицы.
- Тогда вот вам мой ответ в одно слово – «Нет».
 - Простите? – удивленно вскричал он.
 - Ответ отрицательный... Я ведь обещала отказать вам.
 - Но я освобожу вас от вашего обещания.
 - Ответ тот же. Я буду вам сестрой.
 - Ради Всех Святых, почему?
 - Я меньше всего хочу выйти за вас замуж. Вы хотите жениться на мне?
 - Полагаю, да, – в общем-то, да, – неуверенно ответил он. – Имейте в виду, подобный шанс больше никогда не представится.
 - Надеюсь, вы согласны теперь, что любая женщина может заставить любого мужчину сделать ей предложение в течение двух недель.
 - Вы хотите сказать, что вы пошутили надо мной?
 - Да.
- Он посмотрел на нее и внезапно улыбнулся.
- Что ж, в таком случае мы квиты, не так ли? Я думал, что позабавлю вас, если сделаю вам предложение. – Он увидел, как на ее лице появилось выражение удивления. – И я не обманул вас, не так ли? Боже милостивый! Я страшно боялся, что вы примите его.
 - Вы не хотели этого? – воскликнула она.
 - Не представляю, что бы я делал, если бы вы приняли его. Это было несколько рискованно, верно?

- Вы настоящее животное! – воскликнула она. Она посмотрела на него с сомнением, потом, видя, что он явно подсмеивается над ней, добавила: – Вы хотели этого, Берти, – я знаю, что хотели.

- Я буду вам братом, миссис Парнаби.

- Я накажу вас за это, – ответила она и заставила себя засмеяться.

- Мне следует быть настороже.

Она открыла дверцу двуколки и приказала извозчику вернуться на Керзон- стрит. Ей было очень тяжело переносить триумф Берти, она добивалась его поражения, а, похоже, сама потерпела поражение.

- До свидания, – сказала она, когда они подъехали к дверям дома, куда она направлялась. – Когда мы снова увидимся?

- Очень скоро, надеюсь.

3

Ее несколько удивило, когда она услышала, что он приказал извозчику ехать в Бюро Кука* на Пиккадилли, а потом, два дня спустя, ей сказали, что он отбыл в Гамбург, и это ее озадачило. Впрочем, его отъезд не очень ее встревожил, вскорости она пришла к заключению, что он отправился в путешествие для того, чтобы досадить ей, и через неделю он вернется и начнет ее домогаться. Но прошла неделя, а от него не было ни слуха ни духа. Миссис Парнаби пыталась понять, действительно ли он принял ее отказ близко к сердцу. Пролетела вторая неделя, и она обнаружила, что ей не хватает его больше, чем могла себе представить, миновала третья неделя, и теперь она уже не на шутку была на него сердита, через месяц она обнаружила к своему ужасу, что не может ни о чем думать, кроме как о Берти Шентоне. Она намеревалась позабавиться, а в результате - влюбилась по уши, это было так неприятно и нелепо, что она места себе не находила. Она изводила себя, бесконечно перебирая всевозможные причины, объясняющие его отсутствие, пару раз даже всплакнула, как избалованный ребенок. Но миссис Парнаби была разумной женщиной и потому решила, что раз она не может жить без этого мужчины, ей лучше предпринять шаги для того, чтобы обеспечить его присутствие. Она послала ему телеграмму, в которой спрашивала, может ли она придти к нему на чай в следующую

пятницу, он ответил, что его не будет дома, но, нисколько не смутившись, она телеграфировала снова, на этот раз более категорично объявляя о своем решительном намерении выпить с ним чай в упомянутый день. Она пришла вовремя, и, конечно же, он ее ждал.

– Итак, вы вернулись, – сказала она, пожимая ему руку.

- Я просто проезжал мимо, – холодно ответил он.

- Откуда куда?

- Из Гамбурга на Итальянские Озера.

- Слегка не по дороге, не так ли?

- Отчего же, – ответил он. – Если бы я ехал из Ливерпуля в Манчестер, я все равно заехал бы в Лондон. Это одно из моих хобби.

- Как вы думаете, почему я вам телеграфировала на днях?

- Потому что вы – самая бесчестная кокетка, какую я когда-либо встречал в своей жизни, – не задумываясь, ответил он.

Она широко раскрыла глаза.

– Мой дорогой Берти, вы когда-нибудь смотрели на себя в зеркало?

- А вы нисколько не раскаиваетесь в том, что причинили мне неприятности?

Она не ответила, только посмотрела на него с настолько восхитительной улыбкой, что он раздраженно закричал:

- Не смейте на меня так смотреть.

- Как?

- На мой невежественный и неопытный взгляд так, будто хотите, чтобы вас поцеловали.

- Вы животное! Никогда не буду больше с вами разговаривать.

- Зачем же делать столь необдуманное заявление? Вы же знаете, что вы не бюро путешествий в Лондоне с филиалами в других городах можете удержать свой язычок за зубами и двух минут подряд.

- Словечка не пророню, пока я с вами. Это вы ужасный болтун, – сердито ответила она.

- Честное слово, не понимаю, с чего вам прикидываться обиженной, – сказал он. – Это мне следует беситься.

- Вы весьма нелюбезно вели себя по отношению ко мне месяц назад, – сказала она недовольно, пытаясь улыбнуться.

- А вы не думаете о моих поруганных чувствах. Вы забыли, что целый месяц я занимался тем, что усердно собирал кусочки своего разбитого сердца.

- Это полностью ваша вина, – засмеялась она. – Если бы вы не были столь заносчивы и уверены в том, что я собираюсь принять ваше предложение, я бы ни за что не отказала вам. Я не могла противостоять искушению отказать вам, только для того, чтобы посмотреть, как вы поступите.

- Я льщу себя надеждой, что я стойко перенес ваш отказ.

- Да вовсе нет, – ответила она. – Вы продемонстрировали полное отсутствие юмора. Вам должно быть известно, что уважающая себя женщина не принимает предложения мужчины с первого раза. И весьма глупо было с вашей стороны уезжать в Гамбург, будто вам все равно. Ну, как я могла понять, что вы решили подождать месяц, прежде чем снова делать мне предложение?

- У меня не было ни малейшего желания просить вас снова стать моей женой.

- Тогда с какой стати вы пригласили меня на чай?

- Могу я с почтением напомнить, что это вы сами себя пригласили? – возразил он.

- Не вдавайтесь в не относящиеся к делу детали, – приказала она.

- А вы не сердитесь на меня.

- Буду. Вы непочтительны со мной.

Он задумчиво посмотрел на нее, и его глаза заблестели.

- Знаете, как бы я поступил на вашем месте?

- Нет, как?

- Я не вынесу унижения, если вы снова откажете мне. Почему бы вам ни сделать мне предложение – ради разнообразия?

- Какая наглость! – Их глаза встретились, и она улыбнулась. – А что вы ответите, если я сделаю?

- Зависит от того, как вы его сделаете.

- Я не знаю как.

- Нет, знаете, – настаивал он. – Вы дали мне превосходный урок. Сначала вы опуститесь на колени, а потом скажете, что абсолютно не достойны меня.

- Вы самое зловредное существо, какое я когда-либо знала. Вы относитесь к тому типу мужчин, которые колотят своих жен.

- Каждую субботу ночью, – согласился он.

Она заколебалась, но он не собирался уступить.

- Берти, я вдова двадцати девяти лет, весьма выгодная партия. Моя служанка – сокровище, мой портной очарователен, я достаточно умна, чтобы смеяться вашим шуткам, и не так образованна, чтобы знать, откуда они взялись.

- Нет, правда, вы слишком многословны. Я уложился в пять слов.

- И я могла бы, если бы могла записать их. – Она протянула руки, и он обнял ее. – Отпустите меня, Берти.

- Ни за что, – ответил он с улыбкой.

- Знаете, я и вправду нисколько не хочу выйти за вас замуж. Я делаю это только для того, чтобы доставить вам удовольствие... Вы ведь примите мое предложение, правда?

- Посмотрим, когда пробьет час.

- Вы женитесь на мне?

Она произнесла это таким безразличным тоном, будто спрашивала, сколько время.

- Конечно, моя глупенькая, – ответил он.

- Я никогда не видела, чтобы поднимали подобную суматоху вокруг столь незначительной вещи, как замужество.

Она попыталась вырваться, но он крепко держал ее и, улыбаясь, достал из кармана кольцо.

- У меня для тебя небольшой подарок. Я купил его сегодня утром.

Она посмотрела на него.

- Значит, все это время ты добивался моей руки?

- Да.

- Если бы я знала об этом раньше!

Он засмеялся, а о чем они говорили потом – не для посторонних ушей.

Перевод А. Бобковой

Сомерсет Моэм

Несостоявшиеся жизни

Норман Грэйндж был плантатором. Он встал до рассвета, проверил своих работников, обошел плантацию, чтобы удостовериться, что надрезы на каучуковых деревьях сделаны правильно. Выполнив свой долг, он вернулся домой, помылся, переоделся и принялся за еду — ел он плотно, то был наполовину завтрак, наполовину ленч, на Борнео эту трапезу называли бранчем. Жена сидела напротив. Во время еды он читал. В столовой все было тускло. Эмаль на кастрюльках потерта, графинчик в царапинах, посуда — с отбитыми краями, словом, убогая бедность, но к ней тут привыкли. Букетик цветов украсил бы стол, но до этого явно никому не было дела. Закончив бранч, Грэйндж рыгнул, раскурил трубку, вышел из-за стола и переместился на веранду. Он не замечал жены, словно ее вообще тут не было. Опустился в плетеное кресло и снова принялся читать. Миссис Грэйндж запустила руку в жестянку с сигаретами и закурила, продолжая прихлебывать чай. Вдруг она перевела взгляд на дверь — поднявшись по ступенькам, их слуга в сопровождении двух мужчин — один был даяком, другой китайцем — направился к мужу. Незнакомцы здесь появлялись редко, и миссис Грэйндж не представляла, что нужно этим пришельцам. Встав из-за стола, она подошла к дверям и прислушалась. Она жила на Борнео давным-давно, но ее знания языка хватало только на то, чтобы объясниться с прислугой. Так что она весьма смутно догадывалась, о чем идет речь на веранде. По тону, которым говорил ее муж, она поняла, что он раздражен. Похоже, он задавал вопросы сначала китайцу, потом — даяку; судя по всему, они уговаривали его что-то сделать, а он упирался; наконец с хмурым выражением на лице он поднялся из кресла и вместе с мужчинами сошел с крыльца. Подогретая любопытством, миссис Грэйндж неслышно выскользнула на веранду. Он спускался по дороге вниз к реке. Пожав худенькими плечами, она направилась к себе. Но спустя мгновение рванулась назад, услышав, что ее зовет муж.

— Веста!

Она вышла на веранду.

— Приготовь постель. У пристани белый человек в лодке. Он очень болен.

— Кто это?

— Откуда мне знать, черт побери! Его только что доставили.

— Но не можем же мы пускать в дом кого попало.

— Замолчи и делай, что сказано.

С этими словами он пошел к реке. Миссис Грэйндж кликнула боя и велела застелить кровать в свободной комнате. Потом встала на верхней ступеньке и принялась ждать. Вскоре она увидела мужа, а с ним даяков, которые несли на матрасе человека. Она посторонилась, чтобы пропустить их, и мельком увидела его бледное лицо.

— Что мне делать? — спросила она у мужа.

— Ступай прочь и помалкивай.

— Какие мы вежливые.

Больного внесли в комнату, даяки и Грэйндж вышли через пару минут.

— Пойду распоряжусь насчет его багажа. Велю отнести в дом. У него есть бой, который о нем позаботится, так что можешь к нему не лезть.

— А что с ним случилось?

— У него малярия, гребцы, что его везли, испугались, что он отдаст концы, и отказались плыть дальше. Его зовут Скелтон.

— Но ведь он не умрет?

— Умрет — похороним.

Но Скелтон не умер. На следующее утро он проснулся и обнаружил, что лежит в постели, под сеткой от moskitov. Он представления не имел, где находится. Дешевая железная кровать, жесткий матрас. Но какое удовольствие лежать на нем после лодки! Он ничего не видел, кроме шкафа, грубо сколоченного местным плотником, и деревянного стула. Напротив него была дверь, закрытая пологом, которая, очевидно, вела на веранду.

— Конг! — позвал он.

Отодвинув полог, в комнату вошел его бой. Лицо китайца расплылось в улыбке, когда он увидел, что хозяин вырвался из лап малярии.

— Вам глаза лучше, хозяин. Я очень лад.

— Куда это меня занесло?

Конг объяснил.

— Багаж в порядке? — спросил Скелтон.

— Да. Канешна.

— А как зовут парня? Хозяина дома?

— Господин Нолман Глэндж.

В подтверждение своих слов он протянул Скелтону небольшую книжку, на которой было выведено «Норман Грэйндж». Скелтон отметил про себя и автора — Фрэнсис Бэкон. Это были его «Опыты». Забавно обнаружить такую книгу в глуши, в верховьях реки на Борнео, в доме плантатора.

— Передай ему, что я буду рад его повидать.

— Хозяина сейчас нет. Сколо велнется.

— Как насчет помыться? И, клянусь Богом, мне нужно побриться.

Скелтон попытался встать с постели, но голова закружилась, и, вскрикнув от растерянности, он рухнул назад. Но Конг побрил и помыл его, поменял рубаху и шорты, в которых тот лежал с того дня, как заболел, на саронг и короткую малайскую курточку. После этого Скелтон тихо лежал и отдыхал. Но вскоре появился Конг с сообщением, что вернулся хозяин дома. Раздался стук в дверь, и в комнату вошел крупный сильный мужчина.

— Я слышал, вам стало лучше, — сказал он.

— Да, гораздо. Вы очень великодушны, что взяли меня в таком состоянии к себе. Я свалился на вас, как камень на голову.

Грэйндж ответил резковато:

— Да что в этом такого. Вам было совсем худо. Неудивительно, что даяки захотели от вас избавиться.

— Я не намерен стеснять вас дольше, чем буду вынужден из-за болезни. Если бы удалось нанять мне баркас или лодку, я бы сегодня же днем и отплыл.

— Здесь баркас не нанять. Вам лучше остаться пока у меня. Вы очень слабы.

— Да я боюсь стать для вас чрезмерной обузой.

— Не понимаю, почему. У вас свой бой, он вам прислуживает.

Грэйндж только что вернулся после ежедневного обхода плантации, на нем были грязные шорты, рубашка цвета хаки с открытым воротом и старая замасленная широкополая шляпа. В рваной грязной одежде он смахивал на бедного сезонного рабочего. Он снял шляпу, вытер пот со лба; волосы у него были короткие, седые; лицо — красное, широкое, мясистое; большой рот с щеточкой седых усов; короткий задиристый нос; маленькие злые глазки.

— Вы могли бы дать мне что-нибудь почитать? — спросил Скелтон.

— А что бы вы хотели?

— Да все равно, лишь бы не очень заумное.

— Я-то сам не большой поклонник романов, но пару-тройку книг найду. Жена подберет. Наверняка, бульварные, но других она не читает. Может, и вам они придутся по вкусу.

Он кивнул и вышел. Не очень любезный господин. Но он явно был очень беден — комната, в которой лежал Скелтон, внешний вид Грэйнджа говорили об этом; может, он работает управляющим в чьем-то поместье, получает гроши, и не исключено, что траты, которые ему придется сделать, принимая у себя гостя со слугой, ему не по карману. В этой глухомани, куда белый человек заглядывает совсем редко, Грэйндж, вероятно, чувствует себя с незнакомцами не в своей тарелке. Есть люди, которые после первого знакомства воспринимаются совсем по-другому. Но его неприятные бегающие глаза приводили в замешательство; они опровергали впечатление, которое производили его красное лицо и массивная фигура — если б не эти глазки, его можно было бы принять за свойского парня, с которым ничего не стоит быстро найти общий язык.

Через какое-то время пришел хозяйский бой со стопкой книг — полдюжина романов, имен их авторов Скелтон никогда и не слышал, но одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что они из себя представляют. Вероятно, их читает мисс Грэйндж. Еще были «Жизнь доктора Джонсона» Босвелла, «Лавенгро» Борроу и «Очерки» Лэма*.

Странный подбор. Такие книги едва ли ожидаешь найти в доме плантатора. У большинства плантаторов обычно одна-две полки книг, по большей части детективов. Скелтон питал бескорыстное любопытство к человеческому роду и теперь решил попытаться понять, что за человек Норман Грэйндж, — по книгам, что он прислал, по его внешности, по тем нескольким фразам, которыми они обменялись. Скелтона немного удивило, что его хозяин не заглянул к нему еще раз в тот день; казалось, Грэйнджу вполне достаточно, что он предоставил своему непрошеному гостю стол и кров, и он вовсе не искал его компании. На следующее утро Скелтон почувствовал себя намного лучше, даже встал и с помощью Конга опустился в шезлонг на веранде. Краска на стенах совсем облезла. Бунгало стояло на склоне холма, метрах в сорока от реки. На другом берегу в зарослях деревьев виднелись домишки туземцев на сваях — отделенные от этого берега огромным водным простором, они казались совсем крошечными. Читать подолгу Скелтон пока не мог, после одной-двух страниц он отвлекался, и ему куда приятнее было бесцельно смотреть на медленное течение мутной воды. Внезапно он услышал чьи-то шаги. К нему приближалась миниатюрная пожилая женщина. Он понял, что это миссис Грэйндж, и попытался встать.

— Не вставайте, — сказала она. — Я просто пришла узнать, не надо ли вам чего.

На ней было простенькое голубое хлопчатобумажное платье, которое скорее подошло бы юной девушке, чем женщине ее лет. Короткие волосы всклокочены, словно, встав с постели, она не удосужилась провести по ним гребешком; они были выкрашены в ярко-желтый цвет, но так неаккуратно, что у корней остались седыми. Кожа была сухой, морщинистой, на щеках алели два огромных красных пятна, румяна нанесены неумело, так что их и на секунду нельзя было принять за естественный цвет, помада на губах тоже была намазана кое-как. Но самое странное, что бросалось в глаза, был нервный тик, от которого она дергала головой в сторону, словно приглашала вас войти в дом. Тик мучил ее через определенные промежутки, раза три в минуту, а левая рука почти постоянно находилась в движении: не то чтобы дрожала, но невольно казалось, будто этим быстрым судорожным жестом миссис Грэйндж хочет привлечь внимание к какому-то предмету

у себя за спиной. Ее внешность привела Скелтона в замешательство, а нервный тик подействовал просто удручающе.

— Надеюсь, я не очень стеснил вас, — сказал он. — Думаю, уже завтра или послезавтра я смогу двинуться в путь.

— Знаете, в наши места гости нечасто навещаются. Так приятно бывает с кем-нибудь побеседовать.

— Может, вы присядете? Я велю бою принести стул.

— Норман не велел вас беспокоить.

— У меня вот уже два года не было случая поговорить с белым человеком. Я истосковался по душевной беседе.

Она резко, быстрее обычного, мотнула головой, а рука дернулась в странном судорожном движении.

— Он вернется не раньше, чем через час. Я сама принесу стул.

Скелтон рассказал ей о себе, о том, чем занимался раньше, но убедился, что она успела расспросить его боя и уже все о нем знала.

— Вы, наверное, мечтаете поскорее вернуться в Англию? — спросила она.

— Не прочь.

Внезапно на миссис Грэйндж словно налетел нервный шторм — другого определения и не подберешь. Голова стала снова неистово дергаться, а рука трястись с такой бешеной скоростью, что Скелтон испугался. Пришлось отвести взгляд.

— Я не была в Англии уже шестнадцать лет, — сказала она.

— Неужели? Я думал, все плантаторы бывают на родине как минимум раз в пять лет.

— Мы не можем себе этого позволить, ведь мы разорены. Норман вложил все до последнего фунта в эту плантацию, а дохода от нее не было несколько лет. Те крохи, что мы на ней зарабатываем, едва спасают от голодной смерти. Но Нормана, конечно, не волнует, что он не может поехать в Англию. На самом-то деле он не англичанин.

— А выглядит как типичный англичанин.

— Он родился в Сараваке. Его отец был на государственной службе. Норман скорее уроженец Борнео.

И вдруг она расплакалась. Как тяжело было видеть эти слезы, текущие по морщинистым крашеным щекам женщины, которую непрестанно терзал тик. Скелтон не знал, что сказать, что сделать. И выбрал самое разумное — промолчал. Она вытерла глаза.

— Вы, верно, решили, что я старая дура. А я диву даюсь, как после всех этих лет не разучилась плакать. Наверное, такая уж уродилась. Мне ничего не стоило расплакаться на сцене.

— О, вы играли на сцене?

— Да, до замужества. Так я и познакомилась с Норманом. Мы выступали в Сингапуре, а он приехал туда в отпуск. Мне, наверное, никогда не увидеть Англии. До самой смерти суждено оставаться здесь и каждый день глядеть на эту проклятую реку. Никогда не выбраться отсюда. Никогда.

— А как вы оказались в Сингапуре?

— Это случилось вскоре после окончания войны, я не могла найти ничего подходящего в Лондоне. К тому времени я уже много лет выступала на сцене, мне до смерти надоело играть проходные роли, и вот однажды мой антрепренер сказал, что некий Виктор Пэлес набирает труппу для турне по Востоку. Его жена играла все главные роли, но мне предложили вторые. У них в репертуаре было полдюжины пьес — комедий и фарсов. Мне пообещали скромное жалование, но они собирались выступать в Египте, Индии, на Малайских островах, в Китае и в Австралии. Таким образом, представился шанс посмотреть мир, и я приняла предложение. В Каире мы выступили неплохо, в Индии, кажется, тоже кое-что заработали, но в Бирме не имели особенного успеха, а в Таиланде было и того хуже. Пенанг оказался полным провалом, другие города Малайской Федерации — то же самое. Так вот, однажды Виктор собрал труппу и объявил, что обанкротился и у него нет денег для поездки в Гонконг, потому что наши гастроли ничего, кроме убытков, не принесли, ему очень жаль, но нам предстоит самим добираться домой. Конечно, мы заявили ему, что он не посмеет нас бросить. Вы не представляете, какой поднялся гвалт. Короче говоря, он сказал, что мы можем взять декорации и реквизит, если думаем, что нам это поможет, ну, а деньги требовать бессмысленно, потому что у него нет ни гроша. А на другой день мы обнаружили, что они с женой, не сказав никому ни слова, сели на французский корабль и смотались. Я, честно говоря, была просто в шоке. У меня осталось всего несколько фунтов, которые удалось сэкономить, — и больше ничего; кто-то сказал мне, что раз мы оказались на мели, правительство обязано обеспечить нам возвращение домой, но только в каютах четвертого класса, я на такое не решилась. Мы выступили перед журналистами, объявили о том, в какое попали положение, и нам посоветовали дать бенефис, чтобы сделать сбор. Что ж, мы устроили бенефис, но без Виктора и его жены нам удалось собрать очень мало, а после того, как мы оплатили все счета, у нас осталось даже меньше, чем было до этого. Я, понятно, была в отчаянии. Тут как раз подвернулся Норман и сделал мне предложение. Самое смешное, что мы были едва знакомы. Однажды он покатал меня на машине по острову, два-три раза приглашал в европейский ресторан на чай и танцы. Мужчины редко делают что-нибудь бескорыстно, он, видно, хотел немного со мной поразвлечься, но я была девушка искушенная и понимала, что ему-то меня не провести. Но когда он сделал мне предложение, я просто ушам своим не

поверила. Он сказал, что у него на Борнео небольшое поместье, и если немного потерпеть, у нас будет куча денег. Поместье на берегу красивой реки, а кругом — джунгли. В его рассказе все звучало так романтично. Время бежало, мне было уже тридцать, найти работу становилось все труднее, так что перспектива стать хозяйкой собственного дома — да и прочие преимущества — были весьма соблазнительны. Не придется больше обивать пороги антрепренеров. Не придется мучиться по ночам бессонницей, гадая, где взять деньги заплатить за квартиру. В те годы он выглядел неплохо — загорелый, мощный, мужественный. Никто не упрекнет меня, что я вышла замуж по расчету. — Внезапно она замолчала. — Это он! Не говорите, что виделись со мной.

Она подхватила стул, на котором сидела, и быстро унесла в дом. Скелтон был в полном замешательстве. Ее несуразная внешность, слезы отчаяния, история, что она ему поведала, безостановочный тик, да к тому же явный страх, охвативший ее, как только она услышала голос мужа, поспешное бегство — он не мог найти всему этому объяснения.

Через несколько минут шаги Нормана Грэйнджа загремели на веранде.

— Я узнал, что вам лучше, — сказал он.

— Спасибо, гораздо лучше.

— Если захотите присоединиться к нам за бранчем, я велю поставить для вас прибор.

— Спасибо, с удовольствием.

— Отлично. Пойду приму ванну и переоденусь.

Он вышел. Вскоре пришел бой и сказал Скелтону, что его хозяин ждет гостя. Скелтон прошел следом за ним в маленькую гостиную, жалюзи в ней были опущены, чтобы уберечься от зноя. То была уютная, заставленная разномастной — английской и

китайской — мебелью комната, на столиках валялись дешевые безделушки. Тут не было ни желанного комфорта, ни прохлады. Грэйндж переоделся в саронг и короткую малайскую куртку, в этой национальной одежде он выглядел простовато, но внушительно. Он представил Скелтона жене. Она пожала ему руку с таким видом, словно видела его впервые, и пробормотала слова приветствия. Бой объявил, что еда подана, и они перешли в столовую.

— Я слышал, вы не новичок в наших гиблых местах, — сказал Грэйндж.

— Да я тут уже два года. Я антрополог, изучаю нравы и обычаи племен, не имевших контактов с нашей цивилизацией.

Скелтон решил, что обязан рассказать хозяину дома, как случилось, что ему пришлось воспользоваться вынужденным — он это ощущал — гостеприимством последнего. Покинув деревню, в которой обосновался, Скелтон десять дней добирался до реки, где нанял две лодки — одну для себя, другую для багажа, Конга и палатки, и велел плыть к морю. Дорога через весь остров была долгой и трудной, он с большим удовольствием устроился на матрасе под плетеным навесом и расслабился. Все то время, что он путешествовал, здоровье его не подводило, и когда они плыли вниз по реке, он не мог избавиться от мысли, что ему очень повезло; но как только он осознал, о чем думает, то сразу понял — значит, ему становится хуже, раз подобные мысли приходят в голову. Правда, накануне пришлось выпить очень много арака в хижине, где они устроились на ночлег, но он привык к местной водке, так что голова у него болела не от нее. Ему было как-то не по себе. На нем ничего не было, кроме шорт и нижней рубашки, его стало знобить, что само по себе было странно, потому что солнце палило нещадно: Скелтон положил ладонь на планшир и едва не отдернул, до того раскалилось дерево. Если бы под рукой оказалась куртка, он непременно бы ею накрылся. Ему становилось все холоднее, потом начали стучать зубы; он свернулся на матрасе калачиком, дрожа с головы до пят, отчаянно пытаясь согреться. Естественно, он догадывался, в чем дело.

«Господи! — простонал он. — Малярия».

Он позвал старшего и приказал:

«Пришли мне Конга».

Старший крикнул сидевшим во второй лодке, а своим гребцам велел остановиться. Через минуту лодки оказались рядом, и Конг перебрался к ним.

«У меня лихорадка, Конг, — простонал Скелтон. — Достань походную аптечку, а еще найди одеяла, умоляю. Я до смерти продрог».

Конг дал хозяину большую дозу хинина и накрыл его всем, что нашлось в лодке. Они снова тронулись в путь.

Скелтону было так плохо, что его не стали выносить на берег, поэтому ночь он провел в лодке. Два следующих дня ему было совсем худо. Временами к нему подходил кто-нибудь из гребцов — посмотреть, как он, а старший задерживался дольше других и задумчиво его разглядывал.

«Сколько дней до моря?» — спросил Скелтон боя.

«Четыре, пять. — Конг помолчал. — Старший туда не пойти. Говорит, домой надо назад».

«Пусть идет к черту».

«Старший говорит, вы совсем слабый, вы помирать. Если помирать, а он пойти с вами в порт, у него беда будет».

«Я не собираюсь умирать, — сказал Скелтон. — Я выздоровлю. У меня обычная малярия».

Конг не ответил. Его молчание раздражало Скелтона. Он понимал, что у китайца что-то на уме, о чем тот не хочет говорить.

«Выкладывай, что там у тебя, болван!» — прикрикнул он.

Скелтон пришел в отчаяние, услышав от Конга правду. Старший решил потребовать, когда они вечером доплывут до стоянки, чтобы Скелтон с ним расплатился, и уплыть до восхода, прихватив обе лодки. Он боялся везти умирающего дальше. У Скелтона не было сил его уламывать, он мог только надеяться, что, пообещав большие деньги, заставит того выполнить их уговор. Весь день Конг и старший препирались, но, когда лодки причалили на ночь к берегу, старший подошел к Скелтону и угрюмо заявил, что дальше не поплывет. Рядом есть большой дом, где он может отлежаться, пока не полегчает. И начал выгружать вещи Скелтона. Тот отказался сходить на берег. Он приказал Конгу дать ему револьвер и поклялся, что пристрелит любого, кто к нему сунется.

Конг, гребцы и старший поднялись к дому, оставив Скелтона одного. Он пролежал в лодке несколько томительных часов, лихорадка сжигала его тело, во рту пересохло, а в голове путались беспорядочные мысли. Наконец замелькали огоньки и послышались голоса. Бой-китаец подошел к нему со старшим и с незнакомым мужчиной, по-видимому, жившим в доме. Скелтон призвал на помощь всю свою волю, чтобы понять, что говорит ему Конг. Оказалось, в нескольких часах плавания вниз по течению живет белый человек, и если Скелтон согласен, старший его туда доставит.

«Лучше вы сказать „да“, — посоветовал Конг. — Может, у белого человека баркас, тогда мы быстро-быстро добираться до моря».

«Кто он такой?»

«Плантатор, — ответил Конг. — Парень говорит, у белого каучуковая плантация».

Скелтон был без сил и спорить не мог. Единственное, о чем он мечтал в ту минуту, — заснуть. И он согласился.

— Честно говоря, что было потом, я не помню, — закончил он, — пока не проснулся вчера утром и не понял, что я непрошенный гость в вашем доме.

— Я ничуть не виню даяков, — сказал Грэйндж. — Когда я спустился к реке и увидел вас, то понял, что вы полный доходяга.

Миссис Грэйндж хранила молчание, пока Скелтон рассказывал о своих перипетиях, ее голова и рука дергались через одинаковые промежутки времени, словно подчиняясь невидимому часовому механизму; муж попросил ее передать ему вустерский соус — это был единственный раз, когда он к ней обратился, — она задергалась в таком пароксизме, что смотреть на нее было страшно. Она передала ему соус, не сказав ни слова. Скелтону стало не по себе от мысли, что она панически боится Грэйнджа. Это было очень странно — он производил впечатление неплохого человека. Он был образован и неглуп, и хотя его манеру поведения трудно было назвать сердечной, было ясно, что он готов помочь по мере сил.

Закончив трапезу, они разошлись по своим комнатам, чтобы пересидеть дневную жару.

— Жду вас в шесть на рюмку спиртного, — сказал Грэйндж.

Скелтон выспался, принял ванну, почитал, потом вышел на веранду. Миссис Грэйндж подошла к нему. Похоже, она его поджидала.

— Он уже вернулся из конторы. Не сочтите мое нежелание говорить с вами за причуду. Если ему покажется, что мне приятно с вами общаться, он завтра же вас выставит.

Она произнесла эти слова шепотом и неслышно юркнула в дом. Скелтон был поражен. В этот странный дом он попал весьма странным образом. Он вошел в тесную от мебели гостиную, где его поджидал хозяин. Скелтона беспокоила царившая в доме бедность, он понимал, что Грэйндж вряд ли может позволить себе расходы, связанные с пребыванием в доме гостя. Но у него уже сложилось мнение,

что Грэйндж — человек вспыльчивый и подозрительный, а потому он не знал, как предложить ему деньги. И все-таки решил рискнуть.

— Послушайте, — сказал он, — похоже, я буду вас стеснять еще несколько дней, мне было бы спокойнее, если бы вы разрешили мне оплатить мое пребывание.

— Да будет вам. То, что вы здесь живете, мне ничего не стоит, потому что дом принадлежит кредиторам, а расходы на ваше питание невелики.

— А спиртное? К тому же мне придется воспользоваться вашими сигаретами и табаком.

— К нам приезжают не чаще одного раза в году, да и то окружной полицейский или кто-нибудь в этом роде, ну а такому банкроту, как я, уже ничего не может повредить.

— Тогда, может, возьмете мое снаряжение? Мне оно больше не понадобится, а если вам понравится какое-нибудь из моих ружей, я с радостью отдам его вам.

Грэйндж заколебался. В его маленьких хитрых глазках мелькнул алчный огонек.

— Если вы подарите мне свое ружье, то сторицей оплатите ваши стол и кров.

— В таком случае, по рукам.

Они беседовали, потягивая виски с содовой, которым, по восточным обычаям, отмечают заход солнца. Выяснив, что оба играют в шахматы, они сыграли партию. Миссис Грэйндж вышла только к ужину. Еда оказалась невкусной. Пресный суп, столь же пресная речная рыба, жесткое мясо, приторный пудинг. Норман Грэйндж и Скелтон пили пиво, миссис Грэйндж — воду. Она не проронила ни слова по собственной инициативе. У Скелтона вновь возникло неприятное ощущение, что она до смерти боится своего мужа. Соблюдая приличия, Скелтон пару раз пытался вовлечь ее в разговор, рассказывая какой-нибудь случай или задавая вопрос, но ее это явно так сильно пугало, голова начинала трястись так неистово, а рука дергаться

в таком судорожном ритме, что он счел благоразумным оставить дальнейшие попытки. Ужин закончился, и она поднялась.

— Оставляю вас, джентльмены, наедине с вашим портвейном, — сказала она.

Мужчины встали, когда она направилась к дверям. Эта демонстрация благовоспитанности в убогом жилище на речном берегу острова Борнео отдавала чем-то диким, даже пугающим.

— Хочу уточнить, что портвейна нет. Может, немного бенедиктина осталось.

— Не беспокойтесь.

Они немного побеседовали, и Грэйндж начал зевать. Он вставал каждый день до рассвета, и к девяти часам вечера глаза у него слипались.

— Отправляюсь на боковую, — сказал он.

Он кивнул Скелтону и безо всяких церемоний покинул его. Скелтон пошел к себе и лег, но заснуть не мог. Жара не спадала, но сон бежал от Скелтона вовсе не из-за нее. В этом доме и в его двух обитателях было что-то зловещее. Он не понимал, что именно так на него подействовало, отчего ему так беспокойно на душе, но он точно знал, что будет благодарен Господу, когда уберется из этого дома и расстанется с этой парой. Грэйндж много рассказал о себе, но Скелтон узнал о нем не больше, чем при первой встрече. Судя по всему, он был заурядным плантатором, переживавшим тяжелые дни. Он купил землю и посадил деревья сразу после войны, но когда они выросли, на каучук резко упали цены, и с тех пор его жизнь превратилась в тяжкую борьбу за существование. Плантацию и дом пришлось заложить на очень невыгодных условиях, и теперь, когда добыча каучука вновь стала прибыльным делом, все заработанное уходило кредиторам. Обычная история для Малайи. Необычным в Грэйндже было лишь то, что он — человек без родины. Родился на Борнео, жил здесь с родителями, потом, когда подрос, его отправили учиться Англию, в семнадцать лет он вернулся и никогда уже отсюда не уезжал, только в

Месопотамию во время войны. Англия для него ничего не значила. У него не было там ни друзей, ни родственников. Большинство местных плантаторов, как и чиновников, были выходцами из Англии, проводили там отпуск и мечтали поселиться на родине, как только уйдут на покой. А что могла Англия предложить Норману Грэйнджу?

«Я здесь родился, — сказал он, — здесь и умру. В Англии я чужак. Не люблю их обычаев и не понимаю, о чем они толкуют. Но и здесь я тоже чужак. Для малайцев и китайцев я белый, хотя говорю на малайском не хуже их, и всегда буду для них белым. — Потом сделал важное признание: — Конечно, будь я поумней, я бы женился на малайке и завел полдюжины ребятишек-полукровок. Это единственный выход для тех, кто здесь родился и вырос».

Но причина горечи Грэйнджа коренилась в чем-то ином, не только в финансовых тяготах. О других белых, живших в колонии, он не сказал ни единого доброго слова. Видимо, считал, что они его презирают, потому что он тут родился. Он был раздражительным, разочаровавшимся в жизни человеком, к тому же еще и самовлюбленным. Показал Скелтону свою библиотеку. Книг было немного, зато все специально подобранные, представлявшие вершины английской литературы; он постоянно их перечитывал, но они, похоже, не научили его ни милосердию, ни доброте, не затронули в нем ни единой струны, он читал их лишь для удовлетворения собственного тщеславия. Его внешность, такая благодущная и такая типично английская, казалось, имела весьма отдаленное отношение к тому человеку, что был за ней; не покидало ощущение, что за этой маской скрывается фигура зловещая.

На следующий день рано утром, чтобы немного насладиться прохладой, Скелтон устроился на веранде возле своей комнаты с трубкой и книгой. Он был еще очень слаб, но чувствовал себя гораздо лучше. Вскоре к нему присоединилась миссис Грэйндж. В руках она держала большой альбом.

— Я решила показать вам свои старые фотографии и заметки обо мне. Не думайте, что я всегда была такой, как сейчас. Он ушел на плантацию и вернется часа через два-три.

Миссис Грэйндж, в том же голубом платье, в каком была накануне, по-прежнему непричесанная, казалась непонятно взволнованной.

— Это единственное, что напоминает мне о прошлом. Порой, когда становится совсем тошно, я смотрю мой альбом.

Она села рядом со Скелтоном, и он принялся листать страницы. Заметки были из провинциальных газет, упоминания о миссис Грэйндж — на сцене она, как можно было понять, выступала под именем Весты Блэйз — были аккуратно подчеркнуты. Судя по фотографиям, она была хорошенькой, но не обладала яркой индивидуальностью. Она играла в музыкальных комедиях и ревю, в фарсах и комедиях; просмотрев заметки и фотографии, можно было легко убедиться, что это самая обычная, невыразительная, даже довольно примитивная карьера девушки без особых талантов, которая попала на сцену лишь благодаря смазливой мордашке и ладной фигуре. Миссис Грэйндж рассматривала фотографии и читала заметки с таким жадным интересом, словно никогда прежде их не видела, голова ее при этом продолжала дергаться, а рука ходить ходуном.

— В театре надо иметь покровителя, а у меня никого не было, — сказала она. — Если бы судьба мне улыбнулась, знаю, я бы сделала блестящую карьеру. А мне просто не везло, какие уж тут могут быть сомнения.

Все это звучало лживо и с какой-то ненужной патетикой.

— Осмелюсь заметить, что сейчас вам лучше живется, — сказал Скелтон.

Она выхватила у него альбом и с треском захлопнула. У нее начался чудовищный приступ тика, на нее было жутко смотреть.

— Что вы хотите сказать? Что вообще вы знаете о моей здешней жизни? Да я бы давно руки на себя наложила, только я знаю — он ждет моей смерти. Только так и могу с ним поквитаться — оставаться живой, и я буду жить. Пока он жив, я буду жить. Ох, как я его ненавижу! Я часто думала, может, мне его отравить? Но духа не хватило. Не знаю, как это осуществить, к тому же, если б он умер, китайцы не дали бы мне выкупить плантацию и меня бы отсюда выгнали. А куда мне податься? Ведь у меня никого на всем белом свете.

Скелтон был ошеломлен. В голове пронеслась мысль, что она безумна. Он не знал, что сказать. Она бросила на него пронизательный взгляд.

— Вас, должно быть, удивляет, что я так говорю. Но я отдаю себе отчет в каждом слове. Он тоже хотел бы убить меня и тоже не решается. Он-то прекрасно знает, как это сделать. Знает, как убивают малайцы. Он здесь родился. Он вообще все знает об этой стране.

Скелтон заставил себя заговорить.

— Видите ли, миссис Грэйндж, я совершенно чужой вам человек. Вы не думаете, что весьма неблагоприятно сообщать мне вещи, о которых мне не следует знать? В конце концов, вы ведете очень замкнутый образ жизни. Осмелюсь заметить, вы с мужем раздражаете друг друга. Теперь, когда дела идут лучше, вы, может быть, сумеете отправиться в Англию.

— Не хочу я в Англию. Мне будет стыдно, когда там увидят, на кого я стала похожа. Вы знаете, сколько мне лет? Сорок шесть. А выгляжу я на шестьдесят и знаю об этом. Я потому и показала фотографии, чтобы вы убедились — не всегда я была такой, какая сейчас. Господи, как я загубила свою жизнь! Люди говорят о романтике Востока. Вот пусть сами ей и наслаждаются. А по мне лучше работать костюмершей в провинциальном театре или уборщицей, чем мучиться, как я. Пока я не очутилась в этой дыре, я никогда не была одинока, вокруг всегда были люди, вы не представляете, что это такое — не иметь возможности перемолвиться с кем-нибудь

словом круглый год. Все держать в себе. Испытали бы на собственной шкуре эту муку — не видеть ни единой души неделями, изо дня в день, и так шестнадцать лет кряду — никого, кроме человека, которого ненавидишь всеми фибрами души.

— Да будет вам, не все так плохо.

— Я говорю правду. Зачем мне вам лгать? Я в жизни больше вас не увижу, какое мне дело до того, что вы обо мне подумаете. И даже если вы расскажете другим то, в чем я вам сейчас призналась, когда попадете на побережье, какое это имеет значение? Вы услышите в ответ: «Господи, неужели вы останавливались у этих придурков? Мне вас жаль. Он чужак, а она чокнутая, у нее тик. Говорят, похоже, будто она хочет оттереть с платья кровь. У них там приключилось что-то странное, но никто не знает, что именно, давным-давно это было, тогда здесь совсем глухие места были». Чертовски странная история, скажу я вам, это уж точно. Я вам сейчас ее расскажу, мне ничего не стоит. А вы повеселите честную компанию в клубе. Вам потом долго не придется платить за выпивку. Будь они прокляты! Господи, как я ненавижу эту страну! Ненавижу эту реку! Ненавижу этот дом! Ненавижу этот каучук! Проклинаю этих грязных туземцев. И мне предстоит все это терпеть до самой смерти, а когда она придет за мной, рядом даже доктора не будет, друга не будет, чтобы меня за руку подержал.

Она разрыдалась — у нее началась истерика. Миссис Грэйндж говорила с таким надрывом, с такой страстью, на какие Скелтон не считал ее способной. В ее безжалостной иронии сквозили боль и мука. Скелтон был молод, ему не было еще и тридцати лет, он растерялся, не зная, как себя вести в подобном положении. Но молчать он не мог.

— Простите, миссис Грэйндж, я бы очень хотел помочь.

— А я не прошу у вас помощи. Мне никто не может помочь.

Скелтона охватило отчаяние. Из ее слов он, конечно же, понял, что она замешана в каком-то таинственном, а может, и зловещем происшествии, не исключено, что если она откроется ему, не опасаясь последствий, ей станет легче.

— Я не намерен вмешиваться в чужие дела, миссис Грэйндж, но если вы считаете, что, поделившись со мной, поведав об этой странной истории — вы только что про нее упомянули, — вы облегчите свою душу, я даю вам слово никогда никому об этом не рассказывать.

Она внезапно перестала плакать и посмотрела на него долгим пристальным взглядом. Она колебалась. У него сложилось впечатление, что желание заговорить было у нее почти непреодолимым. Но она покачала головой и вздохнула.

— Не поможет. Мне ничего уже не поможет.

Она встала и быстро ушла с веранды.

За бранч мужчины сели одни.

— Жена просит ее извинить, — сказал Грэйндж. — У нее приступ мигрени, так что она не встает с постели.

— Какая жалость.

Скелтон отметил про себя, что в пытливым взгляде Грэйнджа, которым тот его наградил, были недоверие и враждебность. Скелтон вдруг подумал, что Грэйндж каким-то образом обнаружил, что миссис Грэйндж с ним говорила и, не исключено, сказала нечто такое, о чем благоразумнее было бы умолчать. Скелтон попытался завести беседу, но хозяин не откликнулся на его попытки, и они закончили бранч, не проронив ни слова. Вставая из-за стола, Грэйндж ограничился фразой:

— Судя по всему, вы уже в форме, не думаю, что вам хочется задерживаться в этом Богом забытом краю дольше необходимого. Я послал слугу к реке, велел нанять две лодки, чтобы доставить вас к морю. Лодки будут вас ждать в шесть утра.

Скелтон понял, что не ошибся: Грэйндж узнал или догадался, что жена наболтала ему лишнего, а потому хочет поскорее избавиться от опасного гостя.

— Как великодушно с вашей стороны, — ответил Скелтон, улыбнувшись. — Я действительно уже в отличной форме.

Но в глазах Грэйнджа не было и тени улыбки. В них сквозила враждебность.

— Позднее можем сыграть партию в шахматы, — сказал он.

— Отлично. А когда вы вернетесь из конторы?

— У меня сегодня там нет особых дел. Останусь дома.

Интересно, подумал Скелтон, померещилось ему или нет, что в голосе Грэйнджа прозвучала угроза? Похоже, он хочет помешать ему и своей жене остаться вдвоем. Миссис Грэйндж не вышла к ужину. Мужчины попили кофе и выкурили по манильской сигаре. Затем Грэйндж встал, резко отодвинув стул, и сказал:

— Вам завтра рано вставать. Думаю, вам пора на боковую. Я начну обход, когда вы отправитесь в путь, так что хочу попрощаться с вами сейчас.

— Подождите, я пошлю за ружьями. Я хочу, чтобы вы выбрали, какое вам приглянется.

— Я велю бою их принести.

Ружья принесли, и Грэйндж сделал свой выбор. Но он и вида не подал, что доволен столь отменным подарком.

— Вы отдаете себе отчет, что это ружье стоит в сто раз больше, чем пицца, выпивка и курица, которыми я вас угощал? — спросил он.

— Я знаю, что вы спасли мне жизнь. Не думаю, что старое ружье слишком щедрая плата за это.

— Ну, если вы так считаете, спорить не стану. И все же — большое спасибо.

Они пожали друг другу руки и расстались.

Наутро, когда багаж погрузили в лодки, Скелтон спросил слугу, может ли он перед отъездом попрощаться с миссис Грэйндж. Тот обещал узнать. Скелтону не пришлось долго ждать. Миссис Грэйндж вышла из своей комнаты на веранду. Она была в розовом халате из японского шелка, старом, мятом и несвежем, отороченном дешевыми кружевами. На лице толстым слоем лежала пудра, на щеках — румяна, губы были алыми от помады. Голова у нее подергивалась сильнее обычного, а рука выделяла все тот же странный жест. Когда Скелтон увидел этот жест в первый раз, он принял его за желание хозяйки обратить внимание собеседника на какой-то предмет позади нее, но теперь, после того, что она рассказала накануне, жест и вправду напомнил ему движение, которым пытаются стереть что-то с платья. «Кровь», — сказала она.

— Я не хотел отплывать, не поблагодарив вас за вашу доброту, — сказал Скелтон.

— Да будет вам.

— Что ж, до свидания.

— Я спущусь с вами до причала.

Путь был совсем недолгий. Гребцы укладывали багаж. Скелтон посмотрел через реку, туда, где виднелись домишки туземцев.

— Гребцы, наверное, оттуда? Там, похоже, деревня.

— Нет, всего несколько домиков. Раньше там была плантация каучуковых деревьев, но компания разорилась и плантацию бросили.

— Вы когда-нибудь там бывали?

— Я? — вскричала миссис Грэйндж пронзительным голосом, а голова и рука у нее забились во внезапно настигшей конвульсии. — Нет. С какой стати?

Скелтон не мог понять, почему столь простой вопрос, который он задал из вежливости, так сильно ее задел. Но вот буря улеглась, и они попрощались, пожав друг другу руку. Он сел в лодку и устроился поудобнее. Гребцы оттолкнулись от берега. Он помахал миссис Грэйндж. Когда его лодка поплыла по течению, она истошно выкрикнула:

— Поклонитесь от меня Лестер-сквер*.

Скелтон с облегчением вздохнул — мощными взмахами весел гребцы увлекали лодку все дальше и дальше от этого жуткого дома и от этих, пусть и несчастных, но отвратительных людей. Теперь он был рад, что миссис Грэйндж не успела поведать ему свою историю, которая вертелась у нее на кончике языка. Не хотел он знать ни о какой трагической истории греха или безумия, которая неотвязно преследовала бы его и связывала в воспоминаниях с этой парой. Он хотел забыть их, как торопятся забыть кошмарный сон.

А миссис Грэйндж следила за лодками, пока они не скрылись за поворотом. Потом она медленно поднялась к дому и вошла в свою спальню. Здесь царил полумрак — из-за жары шторы были опущены, но она села за туалетный столик и стала пристально рассматривать себя в зеркале. Норман подарил ей этот столик вскоре после свадьбы. Сделал его, конечно, местный плотник, а зеркало выписали из Сингапура, зато он был сделан по ее чертежу, точно такой формы и размера, как она

хотела. Он был большим, так что на нем хватало места для всех ее туалетных принадлежностей и косметики. Это был столик, о котором она мечтала долгие годы, но не могла себе позволить. Она до сих пор помнила, как обрадовалась, когда увидела его в первый раз. Она обняла мужа и поцеловала его.

«Ах, Норман, как ты добр ко мне! — сказала она. — Мне повезло, что я такого парня отхватила, правда?»

Но в ту пору ее все приводило в восторг. Ей нравилось наблюдать жизнь у реки и жизнь джунглей, буйство растительности, веселое разноцветье птиц и ярких бабочек. Она принялась наводить в доме порядок, повесила все свои фотографии, купила вазы для цветов, повсюду расставила безделушки.

«С ними в доме уютнее», — говорила она.

Она не любила Нормана, но он ей нравился — и потом, так приятно быть замужем, так приятно ничего не делать с утра до вечера, слушать пластинки на граммофоне, раскладывать пасьянсы и читать романы. Так приятно сознавать, что не нужно заботиться о завтрашнем дне. Иногда, конечно, было немного скучно, но Норман сказал, что она к этому привыкнет, и пообещал, что через год, в крайнем случае через два повезет ее в Англию на три месяца. Вот будет замечательно познакомиться его со всеми ее друзьями. Она понимала, что его притягивает блеск рампы, и расписывала ему свои сценические успехи, которых, в сущности, не было. Хотела, чтобы он оценил жертву, которую она принесла, бросив сцену и выйдя замуж за плантатора. Делала вид, что знакома со многими примами, хотя на самом деле у нее не было случая даже поговорить с ними. Когда они с мужем приедут на родину, придется кое-что подкорректировать, но для нее это пара пустяков, в конце концов Норман знает о жизни театра не больше младенца, и если она не сумеет вертеть таким простым парнем, как ее муженек, имея за плечами двенадцатилетний опыт игры на сцене, значит, она полная бездарь и ничего тут не попишешь. Первый год все шло распрекрасно. В какой-то момент ей показалось, что она ждет ребенка. Они оба огорчились, когда поняли, что она ошиблась. Потом она начала тосковать. Ее угнетало, что ей приходится заниматься одним и тем же изо дня в день, и сама

мысль, что она до конца жизни обречена уныло повторять одно и то же, страшила ее. В тот год Норман сказал, что не сможет оставить плантацию без присмотра. Они немного повздорили. Вот тогда-то он и сказал слова, испугавшие ее:

«Ненавижу Англию! Будь моя воля, я бы в жизни не поехал в эту проклятую страну!»

Миссис Грэйндж привыкла к одиночеству и стала разговаривать сама с собой. Она запиралась в своей комнате и часами болтала; вот и теперь, пудря пуховкой лицо, она обращалась с монологом к зеркалу, точно с кем-то беседовала.

— Это должно было насторожить меня. Надо было настоять и поехать одной, вдруг я бы смогла найти работу в Лондоне. У меня ведь опыт и все такое. Я бы потом написала ему, сообщила, что не вернусь. — Она подумала о Скелтоне. — Жаль, я ему не рассказала, — продолжала она. — А ведь почти решилась. Может, он был прав, может, мне стало бы легче. Интересно, что бы он сказал. — Она передразнила его оксфордский акцент: «Простите, миссис Грэйндж, я бы очень хотел вам помочь». — Она хихикнула, но ее смехок скорее походил на всхлип. — Если бы я решилась рассказать ему о Джеке... Ох, Джек!

Спустя два года после женитьбы у них появился сосед. Цены на каучук подскочили, поэтому стали устраивать плантации на новых участках, одна крупная компания купила большой участок на противоположном берегу реки. Компания была процветающая, и с самого начала там все было поставлено на широкую ногу. Управляющий, которого они наняли, имел собственный баркас, а потому ему ничего не стоило, когда захочется, переплыть реку, чтобы пропустить с соседом стаканчик-другой. Его звали Джек Карр. Он был совсем другого сорта, чем Норман, прежде всего он был джентльмен, окончил частную школу и университет; ему было около тридцати пяти, он был высоким, не таким мускулистым и упитанным, как Норман, а тонким и изящным; словом, к его фигуре очень пошел бы фрак; а еще у него были волнистые волосы и смеющийся взгляд. Именно ее тип мужчины. Он ей сразу же приглянулся. Как замечательно, что появился собеседник, с которым можно болтать о Лондоне, о театре. Он был веселого и легкого нрава. Шутил так, что можно было понять соль шутки. Через пару недель она привыкла к нему больше, чем за два года

— к мужу. В Нормане было что-то такое, чего она не могла постичь. Конечно, он был без ума от нее, много рассказывал о себе, но ее не покидало странное чувство, что он что-то скрывает, пусть непреднамеренно, но — даже трудно объяснить, в нем пряталось настолько чуждое, непонятное ей, что, казалось, он не может даже выразить это словами. Позднее, узнав Джека поближе, она поделилась с ним своими проблемами, а Джек объяснил это тем, что Норман родился в этих краях, и, хотя в его жилах нет ни капли туземной крови, край наложил на него свою печать, он не совсем белый человек, есть в нем что-то восточное. И как бы он ни старался, ему никогда не стать истинным англичанином.

Она громко тараторила в пустом доме, потому что слуги, повар и бой, были во флигеле. Звук ее голоса, звеня под деревянными потолками, прорываясь сквозь деревянные стены, был сродни невнятной речи не человека, а бродящего в бочке молодого вина. Она говорила так, словно Скелтон был рядом, но очень сбивчиво, будь он на самом деле здесь, он с трудом бы поспевал за нитью ее рассказа.

Очень скоро она поняла, что Джек Карр ее добивается. Это открытие ее взволновало. Она не была женщиной легкомысленной, но за годы, что играла на сцене, у нее, конечно, были кое-какие приключения. Не очень-то весело мотаться по гастролям, если от случая к случаю не позволять себе маленькие шалости. Конечно, теперь она не собиралась сдаваться без боя, не хотела показаться слишком доступной, но при той жизни, что она вела, надо быть полной дурой, чтобы упустить свой шанс; ну, а что касается Нормана, то, как говорится, не пойман — не вор. Они с Джеком отлично поняли друг друга, знали, что рано или поздно это должно случиться, просто надо ждать, когда им улыбнется случай. И случай представился. Но потом произошло то, к чему они оба вовсе не были готовы: они отчаянно влюбились друг в друга. Если бы миссис Грэйндж действительно рассказывала свою историю Скелтону, ему бы это, так же, как и ей с Джеком, показалось неправдоподобным. Они были самыми заурядными людьми: он — веселый, добродушный, простой плантатор, она — актрисочка, не блиставшая умом, не первой молодости, у которой единственными достоинствами были ладная фигурка и смазливое личико. Легкая интрижка внезапно обернулась всепоглощающей страстью, и ни он, ни она были не в силах вынести ее непомерный накал. Их тянуло

друг к другу; они чувствовали себя несчастными в разлуке и не находили себе места. До того Норман был ей скучен, но она с этим мирилась — ведь он был ее мужем; сейчас он стал раздражать ее до остервенения, потому что стоял между ней и Джеком. Они не могли убежать вместе — у Джека Карра не было ничего за душой, кроме жалованья, а потому он не мог и помыслить бросить работу, которой так дорожил. Встречаться им было трудно. Они подвергали себя страшному риску. Не исключено, что всякий раз, когда им улыбалась фортуна и когда они преодолевали препятствия, они тем самым подливали масло в огонь их любви. Спустя год страсть владела ими с такой же силой, как в самом начале их романа; то был год мук и блаженства, страха и трепетного счастья. А потом она поняла, что беременна. У нее не было ни малейших сомнений, что отец ребенка — Джек Карр, и она была несказанно счастлива. Конечно, жизнь была трудной, порой настолько, что ей казалось — она не в силах с ней справиться. Но родится ребенок, думала она, его ребенок, и тогда станет легче. Она собиралась рожать в Кучинге. Так случилось, что Джека Карра направили по делам компании в Сингапур, он должен был отсутствовать несколько недель. Однако он обещал вернуться до ее отъезда и сказал, что даст знать через кого-нибудь из туземцев о своем возвращении. Когда наконец долгожданное сообщение пришло, ей от щемящей радости даже стало плохо. Никогда она не нуждалась в нем так сильно.

«Я слышала, Джек вернулся, — сказала она за ужином мужу. — Утром сплаваю туда на лодке — он обещал мне кое-что привезти».

«Я бы не делал этого. Он заглянет к нам до захода солнца, уверяю тебя, и все сам привезет».

«Ой, я лопну от нетерпения. Мне так хочется поскорее все получить!»

«Что ж, поступай, как знаешь».

Она не могла не говорить о Джеке. Так уж сложилось в последнее время — с мужем они почти не общались, но тем вечером она была возбуждена и болтала без умолку — совсем как в первый месяц их брака. Обычно она вставала рано, в шесть утра, и в

тот день пораньше спустилась к реке и искупалась. Как раз под домом берег изгибался небольшой излучиной, образуя крохотный песчаный пляж, и она наслаждалась, плескаясь в прохладной прозрачной воде. На ветке, нависшей над водой, пристроился зимородок, его отражение сияло в воде ослепительной голубизной. Как хорошо! Она выпила чая и села в челнок. Ее перевез через реку местный мальчишка. На дорогу ушло добрых полчаса. Когда они подплыли поближе, она поискала глазами — Джек ведь знал, что она приплывет, как только сумеет вырваться, он непременно выйдет к реке ее встретить. А вот и он! Невыносимая, сладостная боль сжала ей сердце. Он спустился к причалу и помог ей выбраться из челнока. Взявшись за руки, они пошли вверх по тропинке. А когда мальчишка, который ее привез, и любопытные обитатели дома не могли больше их видеть, они остановились. Он обнял ее, она бросилась в его объятия, изнемогая от страсти. Прижалась к нему. Его губы искали ее губ. В этот поцелуй они вложили всю муку разлуки, все блаженство встречи. Чудо любви преобразило их, они потеряли ощущение пространства и времени. То были уже не смертные люди, но души, слитые воедино в божественном пламени. Они ни о чем не думали. Слова застыли на губах. Внезапно какой-то чудовищный толчок, точно удар, сокрушил их тела, и почти одновременно раздался оглушительный грохот. Объятая ужасом, не понимая, что произошло, она еще теснее прижалась к Джеку, а он так судорожно сжал ее, что она задохнулась. Потом он медленно на нее повалился.

«Джек!»

Она пыталась его поддержать. Но он был для нее слишком тяжелым и упал, увлекая ее за собой. Она вскрикнула — ее обдало жаром: его кровь хлестала ей на платье. И тогда она завопила. Чья-то рука грубо схватила ее и поставила на ноги. Это был Норман. Она обезумела. Не могла понять, что происходит.

«Норман, что ты сделал?»

«Убил его».

Она непонимающе посмотрела на него, потом оттолкнула.

«Джек! Джек!»

«Замолчи! Пойду кого-нибудь приведу. Произошел несчастный случай».

Он быстро пошел по тропинке. Упав на колени, она приподняла голову Джека.

«Любимый, — стонала она. — О, мой любимый...»

Норман вернулся с кули, они отнесли Джека в дом. В ту ночь у нее был выкидыш, несколько дней она находилась между жизнью и смертью. А когда выкарабкалась, у нее развился нервный тик, которым она страдала по сей день. Она ожидала, что Норман отошлет ее прочь, но он не отослал — вынужден был оставить ее у себя, чтобы отвести подозрения. Местные жители немного посудачили о происшедшем, приезжал окружной полицейский, мучил всех допросами; но все так боялись Нормана, что окружной полицейский ничего от них не добился. Мальчишка-даяк, тот, что перевез ее на челноке, куда-то исчез. Норман же сказал, что у него заклинило ружье, Джек взял его посмотреть, тут оно и выстрелило. В их краях людей хоронят немедленно, и реши полиция его эксгумировать, то к тому времени от тела мало бы что осталось, так что показания Нормана никто бы не смог опровергнуть. Окружного полицейского ответы Нормана не убедили.

«Все это шито белыми нитками, — заявил он. — Но поскольку улики отсутствуют, мне ничего не остается, как принять вашу версию».

Она бы все отдала, чтобы уехать отсюда, но нервный тик лишил ее последней надежды найти работу. Она должна была остаться — или обречь себя на голодную смерть, а Норман должен был ее оставить — в противном случае его ждала петля. С тех пор больше ничего не изменилось — и никогда не изменится. Потянулась вереница бесконечных, унылых лет.

Внезапно миссис Грэйндж замолкла. Ее обостренный слух уловил звук шагов по тропинке: Норман вернулся с обхода. Голова ее неудержимо затряслась, рука

начала дергаться в зловещем, неподвластном ей жесте, она принялась искать на туалетном столике среди набросанных в беспорядке предметов драгоценную помаду. Намазала губы, а потом, не отдавая себе отчета в том, что делает, словно подчиняясь какому-то капризу, вымазала весь нос и стала похожа на красноносого комедианта из мюзик-холла. Взглянула на себя в зеркало и захохотала.

«К дьяволу эту жизнь!» — крикнула она.